

Elena
Take

Измена

Собирая
ОСКОЛКИ

Она его запрет. Он её падение.

Elena Take

Измена. Собирая осколки.

<https://litres.ru/74523288>

Аннотация

Когда страсть разрушает всё, что было дорого, Эмили сталкивается с последствиями своих решений. Она вынуждена собирать себя по кусочкам, чтобы понять, что же действительно важно в её жизни. Как вернуть утраченное? Возможно ли исправить ошибки прошлого или разбитое сердце уже никогда не станет прежним? “Собирая осколки” — это захватывающая история о боли, поиске прощения и попытке заново построить свою жизнь, когда всё, что казалось важным, рассыпалось на мелкие части.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Марк	10
Глава 2. Нора	18
Глава 3. Марк	26
Глава 4. Марк	34
Глава 5. Эмили	39
Глава 6. Марк	48
Глава 7. Эмили	52
Глава 8. Макс	56
Глава 9. Эмили	61
Глава 10. Марк	67
Глава 11. Эмили	73
Глава 12. Макс	77
Глава 13. Марк	83
Глава 14. Марк	88
Глава 15. Эмили	93
Глава 16. Макс	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Пролог

Этот роман продолжает историю, начатую в первой книге — «Осколки сердца».

Вы можете начать чтение с этой части. Она написана как самостоятельное произведение, с новым витком отношений и глубокими внутренними конфликтами.

Но для полного погружения в судьбы героев и понимания их выбора, вы можете начать с начала истории:

<https://litnet.com/shrt/PVtj>

МАРК

«Когда у тебя есть всё, теряешь гораздо больше, чем просто счастье — ты теряешь самого себя». Татьяна Тронина

Я имел всё. Красавицу жену, очаровательных дочек. Семью — мой нерушимый храм. Они были моим миром, смыслом жизни. Всё было идеально. И вот я остался ни с чем. Нет ничего больнее этого. Мысли, как петля на шее. Чем сильнее дергаюсь, тем туже затягивается. Боль проникает во все клетки моего тела, сжимает сердце, ломает изнутри.

Всё началось с анонимного конверта с надписью «Это изменит твою жизнь». Внутри были фотографии и видео — Эмили под дождём. Чужие губы на её шее. Руки под платьем. Мой мир не рухнул. Он взорвался.

Я поручил своему помощнику Тому провести расследование. Выяснилось, что любовника зовут Макс — ему тридцать лет, на четверть века младше меня. Работает менеджером ночного клуба, увлекается фотографией. Они встречались два года, раз в неделю у него дома. Моя сорокалетняя жена, бывшая модель и успешный блоггер, которая могла выбрать любого, выбрала мальчишку.

Самое страшное было в том, что Эмили не изменилась дома. Она оставалась той же любящей женой — провожала меня на работу с поцелуем, была нежной и заботливой. Если бы не тот проклятый конверт, я бы никогда ничего не заподозрил. Она умела жить двойной жизнью так искусно, что я, опытный адвокат, привыкший разоблачать ложь, не замечал ни единого признака измены.

Я еду домой, сжимая руль так сильно, что кости начинает ломить. В кармане лежат фотографии — свидетельства того, как рушится моя жизнь. Два года я жил в иллюзии, а теперь приходит время разрушить и её мир тоже.

Дом встречает меня тишиной. Я знаю, что Эмили дома — её машина стоит на подъездной дорожке. Девочки в школе. Идеальное время для разговора, которого я боюсь и жду одновременно.

Поднимаясь по лестнице, я чувствую, как сердце колотится в груди. Каждый шаг даётся с трудом, словно я иду на казнь. И в каком-то смысле так и есть — сегодня умирает

наш брак.

Эмили в кабинете, убирается там. Она оборачивается, услышав мои шаги, и на её лице мелькает беспокойство. Наверное, мой вид говорит сам за себя.

Я молча протягиваю ей фотографии. Не говорю ни слова, просто даю ей возможность увидеть то, что вижу я. Её лицо меняется мгновенно. Краска сходит с щёк, глаза расширяются от ужаса. Она понимает, что всё раскрылось.

— Марк, я... — начинает она, но голос предаёт её.

— Два года, — говорю я, и мой голос звучит чужим даже для меня самого. — Два чёртовых года, Эмили. Пока я работал в суде, защищал клиентов, строил нашу репутацию, ты... ты была с мальчишкой, который годится тебе в сыновья.

Фотографии выпадают из её дрожащих рук. По её лицу текут слёзы, но я не чувствую жалости. Только боль и гнев, которые разрывают меня изнутри.

— Что он дал тебе такого, чего не мог дать я? — спрашиваю я, хотя не уверен, что хочу знать ответ. — Молодость? Страсть? Что заставило тебя, красивую, успешную женщину, которая могла иметь любого, предать нашу семью ради мальчишки?

Эмили плачет, но не отвечает. Её молчание красноречивее любых слов. Она не может оправдаться, потому что оправданий нет.

Вдруг что-то во мне ломается окончательно. Вся боль, накопившаяся за эти месяцы подозрений, вся злость от осозна-

ния обмана — всё это вырывается наружу. Моя рука сама собой поднимается и опускается на её щёку.

Звук пощёчины эхом отражается в тишине кабинета. Эмили охает и прижимает руку к пылающей щеке. Я сам пугаюсь того, что сделал. Никогда прежде я не поднимал руку на женщину, тем более на свою жену.

— Прости, — выдыхаю я, но слово повисает в воздухе бессмысленно.

Эмили съёживается на полу, и вдруг я вижу в ней не предательницу, а сломленную женщину. Но уже слишком поздно что-то менять. Слишком поздно возвращать то, что разрушено.

Я разворачиваюсь и иду к двери. За спиной слышатся её всхлипы, но я не оборачиваюсь. Не могу. Если посмотрю на неё сейчас, то, возможно, не найду в себе сил уйти.

Выходя из дома, я понимаю, что вернусь в него уже другим человеком. Человеком, чья жизнь разделилась на «до» и «после». До того момента, когда я узнал правду, и после — когда мне предстоит решать, что делать с осколками нашего брака.

Кожа на ладони до сих пор саднит после пощёчины. Я мог поклясться чем угодно, что никогда не подниму руку на неё. Что бы она ни сделала, что бы ни сказала, каким бы злым я ни был — никогда бы не ударил. Но всё изменилось за мгновение.

Когда она посмотрела на фотографии, а потом на меня, во

мне что-то сломалось. В глазах потемнело, в ушах зашумело, и я почувствовал, как лечу в пропасть. Боль была невыносимой — грудную клетку разрывало, сердце билось в отчаянии и не желало верить, что всё это правда. Я готов был выколоть себе глаза, лишь бы не видеть всего этого, лишь бы жить в неведении.

Смотрел на её красивое лицо, то самое, которое когда-то украшало обложки журналов, — и не узнавал. Черты искажались, видел звериный оскал. Будто передо мной больше не моя жена, а какое-то чужое существо. Вот тогда и срывался, ударил наотмашь, со всей силы.

Машина заводится с первого раза. Сажусь за руль, закуриваю, меня колотит от ярости и отчаяния. Пытаюсь успокоиться, но ничего не помогает. Отзвуки пощёчины до сих пор звенят в ушах. Завожу мотор, но с места тронуться не могу. Жду.

Жду, что она выбежит за мной, в ноги упадёт, прощение вымаливать будет. Но нет. Она так и не выходит.

Я бью по рулю со злости, вдавливаю газ и мчусь прочь. Звоню в офис — говорю, что беру выходной сегодня и завтра. Еду в отель. Там пью до самого утра, пока не отключаюсь. Алкоголь не берёт — боль настолько острая, что режет сердце лезвием, надрез за надрезом, пока не превращает его в ошмётки.

Телефон не выпускаю из рук, жду хоть малейшего знака от неё. Но она не звонит. Не присылает даже короткого со-

общения. Полная тишина, в которую я падаю и уже не боюсь разбиться.

Дорогие читатели! Рада приветствовать вас в продолжении истории Эмили. В этой части нас ждут новые повороты судьбы, неожиданные встречи и болезненные решения. Мы увидим, как герои справляются — или не справляются — с последствиями измены.

Это история не только о любви, но и о вине, прощении, разрушении и надежде.

Спасибо, что вы с нами.

Глава 1. Марк

МАРК

«Когда тебе кажется, что мир вокруг рушится, самое трудное — собрать себя по частям и двигаться дальше, не глядя на то, что осталось позади». Татьяна Тронина

Утро приносит лишь смутные воспоминания о том, что случилось накануне. Голова тяжёлая, мысли разбиты, а сердце словно разорвано на части. Я не хочу просыпаться и сталкиваться с реальностью, где Эмили предала меня, где я разбросал эти проклятые фотографии, как последнее напоминание о её измене.

Но реальность настигает меня быстрее, чем я ожидаю. На пороге номера стоит Нора. Я не могу поверить своим глазам, когда вижу её.

— Марк, что вы с собой делаете? — её голос полон волнения, и в глазах читается тревога. Даже она, мой секретарь, озабочена моим состоянием. А Эмили? Сука... Не позволила, не написала. Меня просто разрывает. Я не знаю, как справляться с этим.

Я не сдерживаюсь. Как ребёнок, утыкаюсь в плечо Норы и рыдаю. Мне плевать, что она моя подчинённая. В этот момент она единственная, кто рядом.

— Поплачьте, Марк, — её голос тихий и мягкий. — Мужчины имеют право на слёзы. Боль нужно выпустить наружу,

иначе она разрушит вас изнутри. Нельзя держать это в себе. Поплачьте, и вам станет легче.

Но легче мне уже никогда не станет. Я не прощу Эмили, не прощу этого предательства. Но и жить без неё тоже не могу. Каждый раз, когда пытаюсь представить свою жизнь без неё, меня выворачивает наизнанку. Так тошно, что хочется выть. Нора гладит меня по волосам, и это ощущение, знакомое и тёплое, вызывает странное чувство — точно так же Эмили касалась меня, когда я приходил домой усталым.

Нора неожиданно берёт моё лицо в ладони, её губы касаются моих. Язык в рот погружает, а у меня всё перед глазами плывёт. Вот уже руки её полы халата раскрывают, по груди гладят, ноготками за соски цепляют. Член напрягается. Она обхватывает пальцами ствол и вверх-вниз скользит, а вторая рука уже мошонку нежно гладит и потягивает.

— Эмили... — вырывается из меня с тихим стоном. Перед глазами мелькают её образы, её руки, её прикосновения. Это её я вижу перед собой.

— Я Нора, — вдруг шепчет она, и её голос возвращает меня в реальность. — Забудьте о ней, Марк. Я сделаю вам хорошо. Я люблю вас уже давно, самой лучшей женой для вас буду.

В этот момент меня словно током прошибает, как будто пелена падает с глаз. Я вижу перед собой Нору — преданного секретаря, которая всегда была рядом, выполняла все мои поручения, задерживалась на работе, без вопросов от-

кладывала свои дела. Вспоминаются те моменты, когда она приносила мне кофе, слишком сильно наклоняясь над столом, и как я иногда замечал её слишком короткие юбки или расстёгнутую пуговицу на блузке.

— Нора, перестань, — а она ускоряет движения. Блядь, понимаю, что мозгами не её хочу, а девочку свою любимую, но член предательски дёргается в предоргазменных судорогах.

— Нора, нам нельзя, — резко перехватываю её запястья и силой отстраняю от себя. В этот момент в голове мелькают тысячи возможных исходов этой ситуации. — Ты моя подчинённая, я твой начальник, и я до сих пор женат. Ты это понимаешь?

Она кивает, но в её глазах боль. Её губы пересохли, она пытается их облизать, глаза блестят от слёз, дыхание тяжёлое. Как я мог этого не замечать раньше? Понимаю, что нет ничего страшнее мести обиженной женщины, а я именно это сейчас и делаю — отталкиваю её. Но по-другому нельзя.

— Приведи себя в порядок и жди меня в холле. Мне нужно принять душ.

Нора кивает, вытирая слёзы, и выходит, оставляя меня в номере. Захожу в ванную, встаю под прохладную воду. Член до сих пор колом стоит, аж яйца сводит. Что, блин, это было?! Я ведь только что чуть не сделал то же самое — не изменил своей жене! Страшно становится от осознания, насколько это легко. Неужели и она была так охвачена похотью, что

отдавалась без стыда этому мальчишке?

Перед глазами картина — моя девочка на четвереньках стонет, запрокинув голову, а этот урод вдалбливается в неё сзади. Не знаю, почему именно в этой позе, никогда её не любил. И название раздражало — по-собачьи или раком. Я всегда был нежен с Эмили, боялся сделать больно. Она хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, с ней грубо нельзя.

И снова представляю их: как он одной рукой тянет её за волосы, а другой, крепко сжав бедро, насаживает на себя. Блядь, в паху простреливает, сам не понимаю, как сжимаю член в кулаке и быстро двигаю рукой. Разрядка не заставляет себя ждать. Член пульсирует, выплёвывая белые сгустки на чёрный кафель ванной.

А ведь я не раз удовлетворял себя, представляя, как грубо трахаю свою жену, но с ней никогда не мог себе этого позволить. А о других и не думал, не представлял.

И тут на меня наваливается такая усталость. Стою под прохладной водой, надеясь, что она смоет хотя бы часть того, что сейчас творится в голове. Но эта попытка оказывается бесполезной.

Я чувствую, как мир вокруг рушится, но в этот момент, под душем, всё кажется ненастоящим. Как будто вся моя жизнь превратилась в чёрно-белый фильм, где я не герой, а сторонний наблюдатель.

Думаю о Норе, и становится ещё тяжелее. Она любит меня. Теперь я это знаю. Она хочет стать моей женой, заботить-

ся обо мне, быть рядом. Но я не могу ответить ей тем же. Всё, что я могу, — это думать о женщине, которая предала меня.

Вода стекает по телу, смывая пот и остатки вчерашней ночи, но не может смыть ту боль, которая заполнила меня до краёв.

Я выхожу из душа, обматываю полотенце вокруг талии и смотрю на своё отражение в зеркале. Моё лицо кажется чужим. Тени под глазами, сжатые губы, усталый взгляд — я вижу перед собой человека, который потерял себя. Весь мой мир разрушен. Всё, во что я верил, всё, ради чего жил, оказалось ложью.

Нужно взять себя в руки и двигаться дальше. Но как же это трудно, чёрт возьми. Привожу себя в порядок и выхожу в холл отеля. Нора ждёт меня. В её глазах читается усталость, но она держится уверенно, как всегда. Я понимаю, что нам нужно поговорить, но делать это сейчас не хочу.

— Поехали в офис, — говорю я, бросив на неё короткий взгляд. — Нам нужно держать лицо. У нас есть работа.

Она кивает, и мы идём к лифту. Внутри меня всё ещё бушует буря. Я знаю, что наша совместная работа не может просто взять и прекратиться из-за произошедшего. Это неправильно. Нора заслуживает честного разговора, но я не могу позволить себе ещё одной ошибки.

— Ты понимаешь, Нора, — я слегка наклоняюсь к ней, когда лифт трогается, — нам нужно всё это оставить позади. Я ценю тебя как сотрудника, как партнёра. Ты всегда ря-

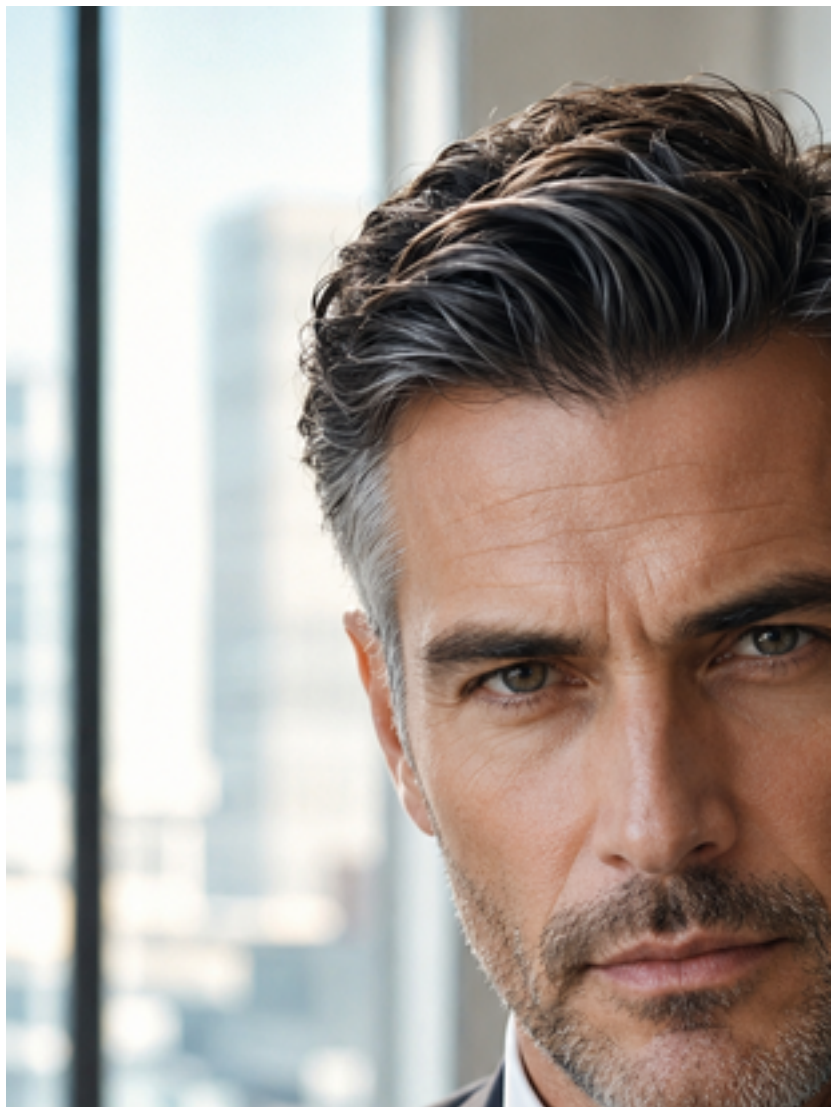
дом. Но... это не должно повториться. Я всё ещё женат, у меня сейчас куча проблем. Позволь мне сначала разобраться с этим.

Она смотрит на меня с пониманием, и, кажется, в глазах блестит надежда. Которую я не должен был ей оставлять, но сейчас пусть будет так.

— Я понимаю, Марк, — тихо отвечает она. — Но что бы ни было, я всегда останусь на твоей стороне. Я буду ждать.

Хочу сказать что-то ещё, но слова застревают в горле. Мы выходим из лифта, садимся в машину и едем в офис, каждый погружённый в свои мысли.

Марк — зрелый, уверенный в себе мужчина, успешный адвокат с репутацией блестящего профессионала. Он всегда знает, чего хочет, и умеет добиваться своих целей. Дисциплинированный и прагматичный, Марк посвятил большую часть своей жизни карьере, избегая серьёзных отношений, пока не встретил Эмили. В семье Марк — надёжный муж и преданный отец, готовый на всё ради жены и дочерей. Эмили для него — центр и смысл жизни, она воплощает ту часть его души, которая жаждет тепла и уюта. Марк стойкий и рассудительный, но любовь к Эмили делает его уязвимым.

Глава 2. Нора

НОРА

«Когда жизнь сводится к ожиданию одного человека, это ожидание становится всепоглощающим. А если этот человек тебя не замечает — оно превращается в пытку». Кира Лисова

Каждое моё утро одинаковое, но я по-прежнему просыпаюсь с ощущением надежды. Этот день может что-то изменить. Возможно, именно сегодня он обратит на меня внимание не как на секретаря, а как на женщину, которая всегда рядом, которая понимает его лучше всех. Вся моя жизнь вращается вокруг него — каждое утро, каждое действие, каждая мысль пронизаны ожиданием его внимания.

Завтрак я ем механически, едва замечая вкус еды, мои мысли уже витают вокруг того, что сегодня я увижу его снова. В этом моя сила и моя слабость. Марк стал для меня чем-то большим, чем просто начальник. Он мой мир, и я готова отдать всё, чтобы стать частью его жизни не только как работник, но и как женщина, которую он любит.

Мой утренний ритуал прост: тщательно уложить свои чёрные волосы, которые всегда выглядят идеально. Я часами тренировалась, чтобы причёска оставалась безупречной весь день, даже после долгих часов работы. Я не могу позволить себе даже малейший беспорядок. Строгий деловой стиль

стал моей визитной карточкой, но я всегда добавляю в него нотки соблазна. Чуть более короткие юбки, немного расстёгнутые рубашки. Я знаю, что это может вызвать неодобрение у других, но мне всё равно — главное, чтобы это заметил он.

Но Марк... Он не замечает меня, как бы я ни старалась. Он никогда не смотрит на меня так, как мне хочется. Когда я приношу ему кофе и наклоняюсь чуть ближе, чем нужно, когда мои юбки короче, чем позволяет офисный дресс-код, — всё это не производит на него никакого впечатления. Он не видит меня так, как я этого хочу. Иногда я с грустью понимаю, что для него я лишь фон, деталь офиса, которая всегда на своём месте.

За эти пять лет я выстроила для себя стратегию. Я незаменима. Когда он задерживается на работе, я остаюсь до последнего. Когда он погружён в дела, я всегда нахожу время, чтобы облегчить его нагрузку. Я отказываюсь от собственных планов и выходных, если знаю, что ему потребуется моя помощь. Никто не может сравниться с моей преданностью, и я надеюсь, что однажды он это увидит.

Я до сих пор помню тот вечер, когда впервые поняла, что влюблена.

Это был конец ноября, на улице стояли слякоть и серость, офис почти опустел, а я всё ещё разбирала бумаги. И вдруг — звонок. Его голос в трубке был хриплым, усталым, почти извиняющимся:

— Нора, простите, что так поздно. Я не могу вспомнить

пароль от сервера, а мне нужно подготовить заключение к утру. Вы можете помочь?

И я — усталая, голодная, злая на весь мир — вдруг почувствовала, как внутри что-то переворачивается. Не от слов. От его голоса. От того, как он произнёс моё имя.

Я поехала в офис, не взяла такси, шла пешком — под дождём, под зонтами, по лужам. Когда вошла, он уже ждал меня с чашкой чая. И тогда впервые я подумала: вот бы так — каждый вечер. Хоть и с паролем. Хоть и под дождём.

Но Эмили... Она та, кто разрушил всё. Она забрала у меня единственную возможность на счастье. Я ненавижу её. С каждым днём это чувство становится всё сильнее. Я ненавижу её за то, что Эмили — та, кем хочу стать я сама, — та, кого Марк любит.

Когда я узнала, что Эмили изменила Марку, мой мир перевернулся. Сначала я не могла поверить. Как эта дрянь могла променять Марка — успешного, умного, красивого мужчину, который был мечтой любой женщины? Моё сердце разрывалось от ярости и презрения. Чёртова сука! Она не заслуживает Марка. Не ценит то, что имеет. Но это даже к лучшему. Эмили сама, уничтожив всё своими руками, предоставила мне шанс занять место рядом с Марком, и я его не упущу.

И вот — мой шанс. Я знаю, где он. Знаю, что он один. И знаю, что никто, кроме меня, не придёт.

Я стою перед дверью номера отеля, сердце бешено коло-

тится. Я знаю, что делаю. Это мой шанс. Тот самый момент, о котором я мечтала на протяжении многих лет. Только я знаю, где Марк, — ведь сама заказывала этот номер. Марк доверяет мне организацию многих своих дел, но в этот раз я решила не сообщать никому, даже Тому. Слишком личное, слишком важное.

Когда дверь приоткрывается, Марк выглядит таким усталым, потерянным... Я чувствую, как сердце ёкает. Он нуждается во мне. Только я могу ему помочь.

— Марк, что вы с собой делаете? — мой голос дрожит от волнения, но в нём звучит забота. Я пытаюсь удержаться от того, чтобы броситься ему на шею, как давно хочу, вместо этого смотрю на него с искренней тревогой. Пусть он знает, что я волнуюсь о нём. А Эмили? Эта сучка позволила себе предать его. Я хочу крикнуть это Марку в лицо, но вместо этого мягко говорю: — Поплачьте, Марк. Вам нужно выплакаться. Вам станет легче.

Я всегда знаю, как нужно вести себя рядом с ним. Забота, ласка, сочувствие — всё, что может заставить его увидеть во мне не просто секретаря. И в этот момент чувствую, как он открывается. Марк сникает, утыкается мне в плечо и рыдает, как ребёнок. Я глажу его по волосам, а он не отстраняется. Это моя победа. Я уже вижу, как всё начинает меняться.

Когда он поднимает голову, я осторожно беру его лицо в ладони и тянусь к его губам. Я знаю — это мой шанс показать, что я могу дать ему то, чего не смогла дать Эмили. Он

отвечает на поцелуй, позволяя моему языку погрузиться в его горячий рот. И вот мои руки уже распахивают полы его махрового халата. Я чуть не стону, увидев, что он абсолютно голый. Такой красивый, несмотря на свой возраст. Поджарое мускулистое тело, смуглая кожа и, о боже, его член, уже готовый к бою. Я глажу его грудь, цепляю ногтями соски, от чего Марк вздрагивает и постанывает. Обхватываю его эрегированный орган рукой и скольжу вверх-вниз. Вторая рука скользит к мошонке. Уже чувствую, как намокли мои трусики. Но боюсь упустить этот момент. Пусть сначала кончит он, а потом я. Я уверена, что потом Марк не устоит и возьмёт меня.

Но когда он стонет имя своей жены, моё сердце пронзает острая боль.

— Я Нора, — шепчу я, не отпуская его. — Забудьте о ней, Марк. Я сделаю вам хорошо. Я люблю вас. Я давно люблю вас. Вы будете счастливы со мной, самой лучшей женой для вас буду.

Но вместо ожидаемой страсти или хотя бы желания Марк резко отстраняется. Его глаза, сначала полные боли, теперь наполняются холодом.

— Нора, перестань. Нам нельзя, — его голос жёсткий, как сталь. Он хватает меня за запястья, его взгляд далёкий и суровый. Я чувствую, как сердце сжимается от обиды.

— Нора, ты моя подчинённая, и я всё ещё женат. Ты понимаешь это? — Он смотрит на меня так, будто видит впер-

вые, и в его словах холодная реальность, которую я отказываюсь принимать.

Я киваю, сдерживая слёзы, которые подступают к глазам. Я всегда сильная рядом с ним, всегда стараюсь казаться независимой и уверенной, но в этот момент чувствую, как мой мир рушится.

— Приведи себя в порядок и жди меня в холле. Мне нужно принять душ, — его слова звучат как приговор. Я молча киваю и выхожу из номера.

Иду по коридору отеля, чувствуя, как внутри всё кипит. Как он может отвергнуть меня? Как он может выбрать эту предательницу, Эмили, которая разрушила его жизнь? Сердце стучит, боль разливается по всему телу, и я знаю, что не остановлюсь на этом. Я люблю Марка слишком долго, чтобы просто отступить.

«Я всё равно добыю его, — думаю я. — Эмили не заслуживает его, и я не позволю ей снова вернуться в его жизнь. Он должен быть со мной. Со мной он будет счастлив».

Горькие слёзы заполняют мои глаза, но я быстро вытираю их и беру себя в руки. Я никогда не сдаюсь. И не сдамся теперь.

Нора, 35 лет — секретарь Марка. Ухоженная брюнетка с безупречным вкусом и собранной, почти холодной внешней сдержанностью. Уже много лет она преданно работает рядом с Марком, знает все его привычки, настроения и по-

требности. Безответно влюблена в него и уверена, что понимает его лучше любой другой женщины. Ради того, чтобы занять место Эмили в его жизни, Нора готова идти до конца.

Глава 3. Марк

МАРК

«Иногда прошлое — это единственное, что удерживает тебя на плаву, когда настоящее тонет в сомнениях». Харуки Мураками

Я возвращаюсь к работе, но мыслями остаюсь далеко. Всё, что окружает меня — папки, звонки, деловые разговоры, — кажется механическим, будто происходит без моего участия. Внутри лишь один вопрос, который не даёт покоя. Я вызываю Тома. Он всегда чувствует, когда дело доходит до чего-то действительно серьёзного.

— Принеси мне ту сыворотку, — говорю я, не поднимая взгляда. — Ту, что мы использовали для особо сложных клиентов.

Том кивает без лишних вопросов и вскоре передаёт мне то, что я просил. Я пишу Эмили: «Нам нужно поговорить. Жду тебя в отеле. Домой я не могу прийти сейчас, хочу, чтобы ты поняла».

Я почти уверен, что она придёт. Этот разговор неизбежен, но какая-то часть меня всё ещё сомневается. Я готов узнать правду — ту, которую она сама не скажет.

Сжимаю бутылёк в руке и погружаюсь в воспоминания.

Пятнадцать лет назад

Эмили... Она была невероятно трогательной, нежной,

хрупкой. В ней была особая магия, какая-то неуловимая сила, притягивающая и оставляющая в тебе след. Совсем юная девочка, ей всего двадцать четыре. Я был старше, но в её присутствии чувствовал себя неловко, словно подросток, переживающий первое любовное волнение.

Всякий раз, когда она входила в бар, я чувствовал, как моё сердце замирает, а потом пускается в бешеный галоп. Её улыбка пробуждала во мне невероятное чувство радости и тепла. Каждый её взгляд, даже самый мимолётный, был как магия, способная моментально затмить всё вокруг.

Когда я в первый раз накрыл её руку своей, то вздрогнул от неожиданности — её пальцы были ледяными, хотя в баре было тепло.

— У меня всегда холодные руки, — улыбнулась она, но я заметил в её глазах что-то большее. Несмотря на улыбку, там, глубоко внутри, скрывалась тоска.

В тот момент я почувствовал непреодолимое желание согреть её. Словно что-то в её холодных руках и печальных глазах манило меня.

— Позволь мне согреть тебя? — прошептал я с надеждой, что она не оттолкнёт. Эмили пробуждала во мне желание быть рядом с ней, защищать и любить. Я желал согреть не только её руки, но и растопить лёд в её сердце. Хотел сделать её счастливой.

Прошло два месяца с нашего знакомства, а я, как болван, дальше, чем взять её за руку, не продвинулся ни на шаг.

Сдерживался изо всех сил, чтобы не заключить в объятия и не начать неистово терзать её губы поцелуями. Боялся спугнуть, нарушить ту хрупкую связь, которая постепенно выстраивалась между нами. Видел, что она ещё не готова. Но каждый раз, когда мы были вместе, время замирало, и весь мир сужался до нас двоих. Даже слова казались излишними. И когда она сама предложила сменить обстановку, я сразу согласился, проклиная себя за то, что не сделал этого первым.

— Хочешь куда-нибудь пойти поужинать? — не нашёл ничего лучше, чем сменить шило на мыло.

Она замерла, не донеся картофель фри до рта, положила его обратно на тарелку. Рассмеялась.

— Давай просто погуляем? Сегодня прекрасная погода.

Мы выбежали из бара, взявшись за руки. Мне было всё равно, куда она меня отведёт. Пошёл бы за ней на край света.

— Боже, как же красиво, — Эмили остановилась и посмотрела на небо, когда мы оказались в небольшом парке.

— Ты красивая, — я не мог отвести взгляда от её восторженного лица. Она была потрясающей. Ветер слегка развевал локоны, а луна отражалась в её глазах цвета коньяка.

Сердце билось так сильно, словно хотело вырваться из груди. Я притянул её к себе, и она подалась навстречу. Закрыла глаза, ресницы дрожали. Осторожно, с трепетом коснулся её губ своими, желая передать всю свою нежность. Неожиданно Эмили обвила мою шею руками и нача-

ла страстно отвечать на поцелуй. Наши языки сплелись. Я почувствовал, как огонь страсти охватывает меня, и не смог удержаться, застонал, прижав её к себе. Наши губы сливались в жарком поцелуе, и мы погрузились в медленный танец страсти, забыв обо всём вокруг под светом луны в безлюдном парке.

Наш первый поцелуй в парке. Потом я поймал такси. В отель везти не хотел — она не девушка на одну ночь, она девушка на всю мою жизнь. Я знал это уже тогда.

— Ты не против, если мы поедem ко мне? — спросил я немного неуверенно.

Она кивнула, и я на миг усомнился, всё ли делаю правильно, но по дороге она сама взяла меня за руку. Я лихорадочно вспоминал, в каком состоянии квартира и когда в последний раз приходила домработница. Осталось ли в холодильнике вино и закуска?

— Остановимся, купим вино, шампанское и что-нибудь ещё? — предложил я на всякий случай, но она, улыбаясь, отказалась. А меня трясло, как мальчишку, от возбуждения и волнения.

Мы подошли к двери. Я не мог попасть ключом в замок, а Эмили прижималась ко мне сзади, её горячее дыхание обжигало затылок. Дверь поддалась. Мы только обувь успели снять, как наши губы слились в поцелуе. Не понимаю, как, но я подхватил её на руки и донёс до спальни. Осторожно уложил на кровать, одежду сбрасывал в нетерпении. Запутался

в крючках её нижнего белья. Замер, когда кружево обнажило её тело. Бархатная кожа, упругая грудь, соски смотрели с вызовом. Наклонился и коснулся их языком. Девочка моя запрокинула голову, еле слышно застонала, а у меня по телу прошла дрожь. Возбуждение достигло пика, я был на грани, но заставил себя держаться. Отстранился, окинул её взглядом, наслаждаясь изгибами тела, не решаясь дотронуться. Ресницы подрагивали. Она открыла глаза, зрачки были расширены от возбуждения.

— Марк, что случилось? — голос был хриплым.

— Ты невероятно красивая, — прошептал я, не отрывая взгляда.

А она прогнулась в спине, запрокинула голову и развела ноги передо мной. Я накрыл её своим телом. Но войти сразу не решился, боялся сделать больно. Эмили сама подалась вперёд, приняла меня, обвив мои бёдра своими длинными стройными ногами, вжимая в себя, царапая спину ногтями. Я упивался её стонами, позволяя ей задавать ритм, раскачивая бёдрами.

— Эмили, какая ты красивая, — выдохнул ей в рот.

Она вдруг замерла, затрепетала всем телом, и я почувствовал, как её лоно пульсирует, сжимая член. Она тихо застонала, и меня накрыла волна наслаждения, сминая всё на своём пути. В глазах потемнело от мощного взрыва, и я излился в неё.

Мы лежали без сил, обнявшись, её голова покоилась у ме-

ня на плече. Я перебирал её шелковистые волосы, а она пальчиком рисовала у меня на груди восьмёрку — символ бесконечности.

— Эмили, переезжай ко мне, — вдруг сказал я, осознав, что не могу и не хочу отпускать её. Она будет со мной. На всегда моя.

Она села рядом, посмотрела мне в глаза, пышные ресницы взметнулись, во взгляде смешались растерянность и удивление.

— Ты мне делаешь предложение? — её голос дрожал, как мне показалось.

— Нет... То есть да, но я хочу сделать это красиво. Люблю тебя.

Она широко распахнула глаза, зрачки расширились, словно у хищной пантеры, и вдруг стала серьёзной.

— Люблю тебя, Эмили. Слышишь? Как только увидел, сразу понял, что люблю. Хочу сделать тебя счастливой. Позволь мне это.

Я притянул её к себе. Она уткнулась мне в шею и заплакала.

— Я обидел тебя? — сердце забилося быстрее от волнения.

— Нет, прости. Я просто очень счастлива. Люблю тебя, Марк, очень люблю.

Я был уверен, что это невозможно разрушить. Что если она говорит: «Люблю», — значит, навсегда.

Сейчас я знаю: ничто не вечно, даже то, что кажется вечным.

Глава 4. Марк

МАРК

«В каждом из нас живёт чудовище. Но иногда самое страшное — это осознать, что ты сам дал ему свободу».

Фридрих Ницше

Вода струится по моей коже, но я едва чувствую её. Думаю только об одном: о том, что будет, когда я выйду из душа и посмотрю ей в глаза.

Оставляю дверь в номер незапертой. Знаю, что она придёт.

Слышу её шаги, когда она входит. Моё сердце сжимается, я понимаю, что не готов ко встрече. Остаюсь в душе, давая себе последние минуты на раздумья. Когда выхожу, она стоит у окна, не оборачиваясь, погружённая в свои мысли. Смотрю на неё и понимаю — она кажется такой родной, но в то же время чужой. Что-то изменилось между нами, и это уже нельзя просто игнорировать. Больше нет того спокойно-го доверия.

Подхожу к ней с бутылкой воды в руке. Спокойно, будто ничего не случилось.

— Воды? — протягиваю ей.

Она молча берёт её, не поворачиваясь ко мне. Делает пару глотков. Я знаю, что в этот момент сыворотка начинает действовать, и это мой единственный шанс услышать правду

— ту, которую она сама не решилась бы произнести.

Тишина в комнате становится невыносимой, напряжение растёт. Я чувствую его всем телом. Когда она заканчивает пить, приближаюсь к ней и кладу руку на плечо. Она не отстраняется. Моя рука скользит по её шее, и я чувствую знакомое тепло кожи. Всё внутри кричит о предательстве, но как же сильно я хочу её. Меня буквально начинает трясти от желания обладать ею. Какие к чёрту вопросы? Они все застревают в горле. Похоть охватывает с такой силой, что становится страшно от мысли: если она откажет мне, я возьму её насильно. Я не узнаю сам себя. Но она моя! До сих пор моя жена! Гнев, обида, разочарование и невыносимое возбуждение смешиваются. Наклоняюсь и кусаю её за плечо. Эмили вздрагивает, но не отстраняется. Стоит неподвижно, будто ждёт чего-то. Или принимает свою судьбу.

И тут я срываюсь, чёрт, будто эту долбаную сыворотку выпила не она, а я. Обхватываю её за горло и с силой притягиваю к себе. А она вдруг сама начинает расстёгивать блузку. Сдёргиваю лифчик, сдавливаю соски пальцами и не могу сдержать стон от того, как её тело откликается на мои прикосновения. Она вся дрожит, дыхание сбивается. Запрокидывает голову, подставляя шею для поцелуев.

— Не прощу, — выдыхаю ей в ухо. Боль вперемешку с возбуждением просто разрывает меня. Погружаю руку в кружево белья, нащупываю клитор и начинаю ласкать круговыми движениями. Она прогибается в спине. И мне хочется за-

душить её за эту податливость.

— Не прощай, — стонет в ответ.

— Накажу, — выдыхаю я, осознавая, что не смогу без неё, но, чёрт побери, как её простить?

— Наказывай, — шепчет она, и слёзы катятся по её щекам.

В душе всё переворачивается, но я не могу остановиться. Ярость захлёстывает меня. Разворачиваю её к себе резким движением и, приподняв лицо за подбородок, жадно впиваюсь в губы.

— Марк, — стонет мне в рот.

Это триумф, пусть и горький.

Сжимаю её ещё крепче, ощущая, как она поддаётся мне, как трётся о мой член, изнемогая от желания. Моё имя, произнесённое её губами, — подтверждение того, что она всё ещё моя, несмотря на всё, что произошло. Этого мне хватает, чтобы забыться на миг. Хватаю её за бёдра, останавливаю, иначе сейчас взорвусь. Резко толкаю на кровать, нависаю сверху. А она сама тянется ко мне, касается моих губ своими. Я не могу ей ответить, плотно сжимаю челюсти. Меня раздражают противоречивые чувства. Я делаю то, чего никогда от себя не ожидал. В меня словно вселяется дьявол. Вхожу в неё резко, до самого основания.

Эмили начинает сопротивляться, и это только распаляет меня ещё сильнее. Вижу, как слёзы катятся по её щекам, но уже не могу остановиться. Всё, что происходит дальше, —

полное безумие.

Я душу её, продолжая фрикции. Тёмная тягучая похоть разливается по телу, я хочу кончить, освободиться из её плена, но не могу. Тело трясёт от возбуждения, которое требует разрядки, уши закладывает, член распирает, но чёртов оргазм не наступает. Смотрю, как Эмили пытается глотать воздух ртом, как её глаза наполняются отчаянием. Как она цепляется за жизнь, которая начинает покидать её. И не могу остановиться. Потому что вопреки всему её тело подаётся мне навстречу, когда я полностью выхожу из неё, а потом снова с силой врезаюсь до самого конца. И она лишь сильнее прижимается, принимая меня полностью.

Это полное помутнение рассудка. Не помню, как пересиливаю себя и разжимаю руку на её шее. Она закрывает глаза, делает вдох, и в этот момент её тело сотрясается от оргазма. Она кричит и извивается подо мной, впивается ногтями мне в плечи, и эта боль уже совсем другая — невыносимо сладкая. Я продолжаю входить в неё, наращивая темп. Кажется, что член уже разбух до невозможных размеров, что я просто разорву её. Её лоно пульсирует, сжимая мой член с такой силой, что это причиняет боль. Толчок, ещё толчок. Перед глазами всё темнеет, взрыв настолько мощный, что мне кажется, будто я рассыпаюсь на кусочки. Я просто одуреваю от силы оргазма, накрывающего меня. Никогда в жизни не испытывал ничего сильнее этого наслаждения. Наслаждение через боль.

Я позволяю своему дьяволу вырваться наружу.

Глава 5. Эмили

ЭМИЛИ

«Иногда самое трудное — это признать, что конец уже наступил». Харуки Мураками

Всё началось с невинной переписки. Простые сообщения, обычные лайки в социальных сетях, которые постепенно перерастали в нечто большее. А потом обрушилась буря страсти, перевернувшая мою жизнь с ног на голову.

Если бы сейчас меня спросили, шагнула ли бы я в эту пропасть снова, зная, чем всё закончится... Наверное, да. Потому что Макс был не просто моим любовником — он был тем, кто разбудил во мне ту Эмили, которой я была когда-то и по которой безумно скучала. Я перестала быть просто женой, хотя и любимой. Перестала быть просто матерью-блогером, растворившейся в заботах о семье. Я стала женщиной. Почувствовала себя живой, желанной до дрожи и сама желала не меньше.

Макс ворвался в мою жизнь как ураган и потёк по венам, как наркотик, отравляя меня своим существованием, но одновременно наполняя смыслом — как бы противоречиво это ни звучало. Два года я жила двумя жизнями, зная, что рано или поздно это закончится. Невозможно всю жизнь разрываться между двумя мирами. Я понимала, что когда-нибудь придётся делать выбор, хотя слово «выбор» здесь неуместно

— выбора у меня, по сути, не было.

Невозможно оставаться там, где тебя даже не просят остаться. В нашу последнюю встречу, когда я наконец набралась смелости сказать Макс, что люблю его, он даже не удержал меня. Он не просто не ответил взаимностью — он даже не попытался меня остановить. Не просил остаться, не просил бросить всё ради него, не сказал тех слов, которых я так отчаянно ждала.

Поэтому я решила во что бы то ни стало сохранить семью, отдать всю свою любовь и нежность детям и Марку. В конце концов, Марк ни в чём не виноват. Не его вина в том, что я слишком живая и слишком эмоциональная. Не его вина в том, что моё сердце оказалось способно любить так безрас-судно.

Когда Марк узнал правду и предложил встретиться в отеле, я была безумно рада. Это был шанс. Пусть даже не на прощение, но на то, что мы сможем начать заново, если он мне это позволит. Шанс вернуть то, что я чуть не потеряла навсегда.

...

Я стучусь, но дверь сама приоткрывается, приглашая меня внутрь. Захожу в номер и осматриваюсь. Марка нет, я слышу, как льётся вода в душе. Удивляет, что в этот раз Марк не снял люкс с огромной кровати. Обычный номер, в шкафу висят его костюмы и рубашки, бельё аккуратно сложено на полочках. Провожу рукой по дорогой ткани, вдыхая аро-

мат парфюма, который сама ему выбирала. Останавливаюсь у окна.

То, что он уже в комнате, чувствую кожей. Волнительный озноб охватывает тело. Я не оборачиваюсь.

— Воды? — Марк протягивает мне открытую бутылку.

Не оборачиваясь, беру её и делаю пару глотков. Он, как всегда, предугадывает мои желания, ведь в горле пересохло от напряжения. В комнате так тихо, что кажется, будто он услышит стук моего сердца, который с каждой секундой становится быстрее. Закрываю глаза и выдыхаю, когда его рука ложится на плечо. Медленно скользит к шее. Чувствую тепло его дыхания у себя над ухом. Он наклоняется и кусает меня за плечо. Это так не похоже на Марка. Вздрагиваю. В голове проносится мысль, что это не он, это Макс, но запах не может меня обмануть. Он целует шею, покусывает мочку уха. Внизу живота вспыхивает вожделение, и я не в силах сдержать стон. Несколько секунд, пара прикосновений — и я уже в его власти, охвачена огнём желания, готовая принимать и отдавать.

Его ладонь обхватывает и сжимает моё горло, с силой притягивая к себе. Его член упирается в ягодицы. Сама начинаю расстёгивать блузку. Он обхватывает грудь, сдёргивает лифчик, выпуская наружу изнывающие от желания соски. Сдавливает их пальцами. У меня подгибаются колени от бесстыдного возбуждения. Его губы покрывают поцелуями шею, а руки продолжают ласкать грудь — то нежно, едва касаясь, то

до боли стискивая, отстреливая током в промежность. Сильнее прижав меня к себе, он опускает руки на живот и ниже. Сдёргивает с меня юбку и запускает пальцы под кружево. Нашупав клитор, начинает медленные круговые движения.

— Не прощу, — шепчет мне на ухо, и я вздрагиваю от его голоса, пытаюсь отстраниться, но он силой удерживает меня, продолжая ласкать. Дразнит, заставляя дрожать от желания.

— Не прощай, — слёзы готовы сорваться с ресниц.

— Накажу, — покрываюсь мурашками.

— Наказывай, — первая слеза катится по щеке, оставляя мокрую дорожку.

— Но сначала возьму тебя.

Мне страшно, потому что Марк никогда так себя не вёл, но страх смешивается с диким возбуждением и желанием, чтобы он сделал то, о чём говорит.

— Возьми, — голос срывается в стоны, потому что он ускоряет движения, подводя меня к точке невозврата.

— Хочешь меня? — его голос хриплый.

— Да! — выдыхаю, не в силах больше себя контролировать. Промежность сводит от желания почувствовать его член внутри себя.

— Скажи, что хочешь меня, — приказывает Макс, прекращая ласкать меня.

Я вздрагиваю.

— Да, я хочу тебя, пожалуйста, не останавливайся, — стою, сильно сжимая ноги.

Его пальцы снова начинают двигаться.

— Кого ты хочешь?

— Тебя, Марк! Ма...

Макс почти срывается с моих губ, но я задыхаюсь от волны возбуждения.

Нащупываю рукой его член. Он дёргается от прикосновения, тяжёлый и горячий. Обхватываю его рукой и начинаю двигать вверх-вниз. Я люблю член Макса, такой ровный, красивый, большой. У Марка он чуть толще и немного короче, но тоже очень красивый, с явно выраженной головкой, по которой нежно провожу пальцами. Замираю, сглатываю. Невыносимо хочется повернуться, потому что я уже не понимаю, кто позади меня — Макс или Марк.

Он снова ускоряет ритм, и между ног начинает нестерпимо ныть и пульсировать. Разворачивает меня к себе и, резким движением приподняв лицо за подбородок, жадно впиивается губами в мой рот.

— Марк, — стону я.

Требовательно, глубоко погружая язык, он заполняет меня собой, перекрывая доступ к кислороду. Задыхаюсь от его напора и желания. Его эрекция упирается мне между ног. Я хочу, чтобы он вошёл в меня так же, как его язык, заполнив собой всю. Начинаю двигать бёдрами, скольжу клитором по его члену. Но он, с силой сжав мои бёдра, останавливает меня. Всё правильно, он делает — я подчиняюсь. Сейчас он задаёт ритм и направление. Сквозь слёзы вижу яростную гри-

масу на лице Макса.

Он толкает меня на кровать и нависает сверху. Марк смотрит так, словно хочет уничтожить, взгляд скользит по щеке, касается губ. По его виску течёт капля пота. Я приподнимаюсь и тянусь к его губам. Несмело прикасаюсь к ним своими, его губы горячие, с солоноватым привкусом. Мой язык скользит между ними, касается плотно сжатых зубов.

Он раздвигает коленом мои ноги и резко входит в меня. Мой Марк, но в то же время и не мой. Не Марк. Закрываю глаза, а открыв, вижу лицо Макса.

— Нет, пусти, — начинаю сопротивляться.

Он не останавливается, а только начинает двигаться сильнее, словно наказывая меня за то, что я тянулась к Марку.

— Нет, — мотаю головой.

Он хватает меня за скулы и впивается в рот поцелуем. Слёзы текут по щекам.

— Нет.

Закрываю глаза, он отпускает. Я задыхаюсь. Открываю их и вижу Марка. Он гладит мои щёки, вытирая слёзы. Всё ещё остаётся во мне.

— Да, — подаюсь бёдрами, принимая его глубже. Пальцами сильнее сжимаю его плечи, ставшие каменными от напряжения. В животе становится тесно и горячо.

Чувствую влажное касание языка на губах, с готовностью ещё сильнее прогибаюсь навстречу. Язык Макса проникает мне в рот так же глубоко, как и его член.

— Да, — стон вырывается ему прямо в рот. — Да, ещё.

Я хочу, чтобы он наполнил меня до краёв. Искры восторга рассыпаются по телу, но я не успеваю насладиться ими. Макс впивается в губы и будто высасывает из меня воздух с такой силой, что мне его не хватает. Внезапно Марк отстраняется, но я всё равно не могу вдохнуть. Не понимая, что происходит, распахиваю глаза и вижу бездну в его взгляде. Она чёрная и пугающая.

Чувствую, как на горле с силой сжимается его ладонь, безжалостно вжимая меня в подушку. Кажется, что весь воздух уже покинул лёгкие, но он не отпускает. Пытаюсь вдохнуть, но получается лишь открыть рот. Я безмолвная рыба, выброшенная на берег, безуспешно хватаящая воздух. Задыхаюсь. Кровь приливает к голове, в висках бешено стучит. Сознание начинает покидать меня. Я борюсь с желанием закрыть глаза, пытаюсь рассмотреть, кто так яростно хочет убить меня — Макс или Марк. Но сосредоточиться не получается, лицо расплывается, и я уже не могу понять, чьи черты проявляются в нём сильнее.

Вопреки всему горячее давление внизу живота становится лишь сильнее с каждой секундой. Моя душа готова покинуть тело, но оно настолько остро чувствует происходящее, словно у меня остаётся единственная способность — чувствовать. Член моих мужчин погружается настолько глубоко, насколько это возможно, а потом полностью выходит и входит снова, скользя по клитору, отчего мои бёдра сами по-

даются навстречу, желая прижаться сильнее. Моё тело живёт своей жизнью, отдельно от разума, и жаждет выплеснуть наружу всё напряжение, скопившееся внутри. Меня начинает трясти.

Я закрываю глаза и делаю вдох, потому что в этот момент рука на шее разжимается, выпуская кислород в лёгкие, а следом происходит яркий взрыв, от которого закладывает уши. Обрушившийся оргазм настолько сокрушительный, что я полностью теряю контроль над своим телом, которое содрогается и извивается помимо моей воли. Ногти с силой впиваются в плечи Марка. Я кричу так громко, что от собственного голоса звенит в ушах.

Через пару секунд, немного придя в себя и жадно глотая воздух, вижу глаза Марка. В них больше нет бездны, потому что я сама становлюсь бездной. Даже не сразу понимаю, что он продолжает двигаться, и теперь уже его крики заполняют комнату. Ещё один взрыв — и низ живота наполняется тягучим теплом.

Эмили — глубокая и сложная женщина, сдержанная, вдумчивая, обаятельная, умеющая контролировать эмоции, но при этом эмоционально ранимая. Внешне спокойная и собранная, она обладает внутренней силой и элегантностью, при этом временами ей не хватает ощущения полноты жизни.

Глава 6. Марк

МАРК

«Самая страшная битва — это битва с самим собой».

Анатолий Иванов

Когда Эмили засыпает рядом со мной и её дыхание становится ровным, реальность обрушивается на меня с такой силой, что я захлёбываюсь в собственном отчаянии. Мысли вспыхивают в голове, как раскалённые угли, обжигая меня изнутри, и я не могу найти спасения от этого огня боли. Всё внутри дрожит — тело от усталости, горло от сдержанного крика, а между лопатками будто вбили что-то тяжёлое, металлическое, от чего не избавиться ни движением, ни душем.

Я лежу рядом с женщиной, которая предала меня, и не могу прикоснуться к ней. Даже смотреть не могу. Не из ненависти — оттого, что внутри поднимается нечто тёмное и липкое. Ярость охватывает меня, словно волна, поглощающая остатки самообладания. Воспоминания о её измене разрывают сознание, наполняя его огнём, который не даёт мне покоя. Перед глазами встают их тела — он сзади, она с запрокинутой головой, стонет, тянется к нему. Я не знаю, видел ли это в реальности или только в голове. Но от этой картинки меня выворачивает.

Резко сажусь, сердце стучит в ушах. Пальцы сжимаются так, что ногти впиваются в ладони. Мне кажется, я всё ещё

чувствую её кожу под своей рукой, как она дрожала, как смотрела... и это не приносит ни облегчения, ни вины. Только странное, животное знание: я переступил. И мне понравилось.

Мне становится страшно. Не за неё. За себя. За то, кем я стал. Я не могу больше быть рядом. Не могу дышать одним воздухом с ней. Потому что понимаю — если останусь, всё повторится. Я уже не уверен, кто из нас опаснее: она, разрушившая нас с Максом, или я, позволивший себе стать тем, кто любит через боль.

— Уходи, — голос срывается слишком резко. Я даже не смотрю на неё. Ощуаю, как гнев и страх захлёстывают меня с новой силой. Я не могу больше сдерживаться. — Я подам на развод.

Эмили открывает глаза. Не удивлённо. Будто она этого ждала. Смотрит на меня, и в этом взгляде нет защиты, нет страха. Просто... пустота. Тишина между нами звенит, как провал. Я жду, что она начнёт говорить, оправдываться, как-то цепляться. Но она молчит. И это выводит меня из равновесия ещё сильнее. Потому что, когда нет сопротивления, ты остаёшься наедине с собой. А с собой мне страшнее всего.

— Марк... — голос у неё тихий, хрупкий. — Пожалуйста, подумай о девочках. Это их ранит... Дай нам время подготовить их.

Сжимаю челюсти. Девочки, мои девочки. Их волосы на подушках. Их ладони на моей щеке по утрам. Их голос:

«Пап, ты нас никогда не бросишь?» — как нож в солнечное сплетение. Это единственный мост, который ещё связывает нас. Не любовь, не привязанность. Дети. Это не только мой мир, который рушится. Это мир моих дочерей. Их будущее. Она права. Боль накатывает волной, и я чувствую, как снова теряю контроль.

— Я подумаю, — говорю я. Не ей, себе. Потому что знаю: если порву всё сейчас — разрушу их мир. Не только свой.

— Мы должны сделать это правильно, — продолжаю, словно хватаясь за формальность, чтобы не провалиться в эту воронку.

Эмили кивает. Медленно встаёт, начинает одеваться. И я не могу не смотреть. Как она натягивает юбку, как застёгивает лифчик, как поправляет волосы. Всё это я знаю. Сам покупал ей эту рубашку. Гладил её волосы по утрам. А теперь смотрю, как она уходит.

Но перед дверью она останавливается.

— Я сказала Максу, что мы больше не будем видеться. Я выбрала семью... — она замолкает на мгновение и добавляет уже тише: — Я выбрала тебя, Марк.

Эти слова проходят сквозь меня, как сквозняк. Сначала не задевают. Только спустя секунду — врезаются.

«Я выбрала тебя».

Это не выбор — это осколки того, что когда-то было нашим. Но теперь эти осколки слишком глубоко вонзились в моё сердце, чтобы я мог выдрать их. Я замираю, не веря сво-

им ушам. Слова отзываются в душе резонансом и вместо облегчения приносят ещё больше смятения. Я чувствую, как во мне снова что-то рушится. Она выбрала меня?

Она не должна стоять здесь, произнося эти пустые слова. Они ничего не меняют. Я не хочу их слышать, не хочу больше никаких оправданий или попыток вернуть то, что уже не подлежит восстановлению.

Эмили выходит, и в комнате становится так тихо, что я слышу, как капает вода в раковину. Каждая капля — как отсчёт. Я остаюсь. Один. Среди запаха её духов, следов наших тел на простынях и собственного голоса, который больше не узнаю. В этой тишине, где больше нет места ни для примирения, ни для прощения.

Глава 7. Эмили

ЭМИЛИ

«Ложь, сказанная в защиту близких, не становится правдой, но иногда — единственным, что остаётся». Эльчин Сафарли

Я выхожу из отеля, чувствуя, как мир под ногами рушится. Не оглядываюсь. Мне кажется, что, если оглянусь, боль навсегда поглотит меня. Шаг за шагом, с каждым мгновением я отдаляюсь от той жизни, которая ещё недавно казалась такой привычной. Теперь ничего не будет прежним. Марк принял решение, и я знаю, что это разрушит не только меня, но и девочек. И я понятия не имею, как им об этом сказать.

Дом встречает меня тишиной. Девочки уже вернулись из школы, и я знаю, что разговор нельзя откладывать. Моё сердце сжимается, когда я вижу их лица, такие родные, такие доверчивые. Как им объяснить, что их отец больше не будет с нами?

Я присаживаюсь на краешек дивана, пытаюсь собраться с мыслями. Алиса играет в своей комнате, Карина читает в гостиной. Сначала я подхожу к старшей. Она всегда понимает больше, чем говорит, и её пронизывающий взгляд заставляет меня нервничать.

— Карина, можно с тобой поговорить? — мой голос звучит ровно, но внутри меня бушует ураган.

Она поднимает глаза, внимательные, серьёзные. Карина всегда такая. Молча кивает. Я зову Алису, и она тут же примчалась в гостиную. Её большие глаза смотрят на меня с ожиданием.

Когда обе усаживаются рядом, моё сердце болезненно сжимается. Как же сложно лгать тем, кого любишь больше всего на свете.

— Девочки, я хочу поговорить с вами о папе, — начинаю я, стараясь говорить максимально мягко. — Папа сейчас занят на работе, и ему нужно пожить в другом месте какое-то время.

Алиса хмурится, её маленькие брови сходятся на переносице.

— Почему, мама? Он ведь всегда возвращается домой, — в её голосе звучат непонимание и недоверие.

Карина, как всегда, молчит. Её взгляд внимательный, анализирующий. Она уже понимает, что что-то не так. Её молчание громче всех вопросов Алисы — молчание, в котором я слышу тревогу и сомнения. Она всегда понимает больше, чем говорит.

— Папа... — я на мгновение замолкаю, подбирая слова. Каждое моё слово для меня как нож в сердце, но я понимаю, что должна защитить их от всей боли. — Папа сейчас очень занят. У него много дел, и ему нужно немного времени, чтобы во всём разобраться. Но это временно. Он вас очень любит, и мы всё ещё одна семья.

Алиса упрямо прищуривается:

— Когда он вернётся? — спрашивает она с вызовом в голосе.

— Я не могу сказать точно, милая, — заставляю себя улыбнуться. — Но он будет на связи. Мы сможем звонить ему, и он обязательно придёт, когда у него будет возможность.

И тут Карина, тихая и вдумчивая, наконец заговаривает:

— Вы с папой поссорились? — её голос тихий, но в нём звучит уверенность. Этот вопрос неизбежен.

Я закрываю глаза на мгновение, пытаюсь удержать эмоции.

— Нет, милая, — мой голос хриплый. — У нас просто сейчас разные дела. Но это временно. Мы справимся.

Карина кивает, но я вижу в её глазах, что она не поверила. Она слишком умная для своего возраста, слишком чуткая.

Алиса прижимается ко мне, её маленькие ручки обвивают мою талию, и она шепчет:

— Мама, папа вернётся?

Я обнимаю её, пряча слёзы, подступающие к глазам. Как я могу ответить ей? Как могу сказать правду, что, возможно, ничего больше не будет как прежде?

— Да, дорогая, — глажу её по голове, стараясь успокоить. — Всё будет хорошо. Мы обязательно справимся.

Но внутри чувствую, что это ложь. Мы не справимся. Я не справлюсь.

Глава 8. Макс

МАКС

«Жизнь всегда найдёт способ бросить вызов, даже если ты думаешь, что уже пережил худшее». Джордж Р. Р. Мартин

Я всегда знал, что когда-нибудь это закончится.

Знал с первого дня, как только она вошла в мою жизнь — с запахом латте, глазами цвета коньяка и этой болезненной, почти неживой хрупкостью, в которой таилась какая-то извращённая сила. Я не мог этого не понимать. Она замужем, мать двоих детей, живёт по ту сторону. А я? Сам по себе. Без правил. Без тормозов. Без обязательств.

Но быть два года с женщиной, которую хочешь до судорог, и всё это время держаться холодно, делая вид, что тебе всё равно, — это был мой личный ад. Я любил её. Люблю. Хоть и не сказал. Не смог.

Не из гордости — из страха. Признаешься вслух — всё, обратной дороги не будет.

А начиналось всё как глупая игра. Я искал модель для своего фотопроекта. Просто модель. Листал «Supergram» и вдруг — она.

Сразу понял: моя. Даже через экран. Никакой пошлости, ни одного кадра в белье, но, чёрт побери, каждый снимок пульсировал желанием. В ней было то редкое сочетание, от

которого съезжает крыша: невинность и грех в одном флаконе.

Я написал. Не надеялся на ответ. Она ответила. Так всё и началось.

Никто не думал, что всё зайдёт так далеко. Ни она, ни я. Она долго сопротивлялась, я был настойчив. Упрям, как охотник. И да, я добился своего. Мы начали встречаться. Тайно. Раз в неделю. Иногда два.

Она приезжала, и я снимал с неё всё — одежду, маски, защиту. Фотографировал её, трогал, целовал. В ней была жажда жизни, но и обречённость. Словно она знала, что это не навсегда. Я тоже знал. Но продолжал.

Два года. И вот — конец.

Она пришла ко мне, как в последний раз. Глаза заплаканные. Взгляд — провал. Мы не говорили. Только касались. Это был не секс — это был крик. Её тело звенело от боли. Моё — от ярости.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

И я не смог ответить. Она ушла. Сказала: «Прости». Я понял: всё. Больше она не вернётся. Я остался. Среди тишины, запаха её духов и пустых стен.

Разнёс всё в доме. Стулья, посуду, фотографии. Всё, что хоть как-то напоминало, что мы были вместе. Хотел забыть. Не смог.

Сел на пол. Закрыв глаза. А в голове — только её голос: «Я люблю тебя, Макс».

Я уже думал, что это дно. Что хуже не будет.

А потом в дверь звонят.

Сначала не понимаю, кто может прийти в такой момент. В голове мелькает мысль, что это она. Вернулась. Дьявол, я моментально срываюсь с места, несусь вниз, не думая ни о чём, как последняя тварь, готовая хвататься за любой шанс.

Но, открыв дверь, вместо её лица вижу двоих полицейских. Оба стоят такие спокойные, будто это нормально — врываться в чью-то жизнь посреди ночи и ломать её до конца. Я даже не успеваю ничего сказать, как они ловко скручивают меня и надевают наручники. Один спокойно начинает зачитывать мои права, а я стою охреневший и не понимаю, что вообще происходит. Какой к чёрту сон? Это что, прикол? Всё кажется каким-то грёбаным сюрреализмом.

Меня обвиняют в каких-то экономических махинациях. Статья, номера — не помню, да и плевать на эти цифры. Я не понимаю, какого чёрта происходит. Будто кто-то вдруг решил, что моя жизнь слишком спокойная, и добавил этот грёбаный сюрприз. Я понятия не имею, о чём они говорят. Махинации? Да какие нахрен махинации? Я никогда не лез в эту фигню. Никаких печатей, никаких подписей, тем более связанных с баблом. Всё это дико. Абсурд.

Они отвозят меня в следственную камеру. Тупо сажают, будто я уже в чём-то виноват. Я сижу на койке, обхватив голову руками, и пытаюсь хоть что-то понять. Но в голове хаос. Мысли разбегаются во все стороны, ни одна не удержи-

вается достаточно долго, чтобы я мог ухватить её и понять, что происходит. Это какой-то грёбанный кошмар. Реально.

Но одна мысль не отпускает. Это не случайность. Меня кто-то подставил. И единственный, кто мог это сделать, — Марк, муж Эмили. Конечно, это его рук дело. Кто ещё мог провернуть такое? Но, блин, я же не виноват. Ни одного документа с моей подписью нет. Всё это бред. Гнев кипит внутри, но я бессилен что-либо сделать. Вся моя жизнь теперь зависит от чужих рук, и это убивает меня.

Макс — уверенный в себе, независимый мужчина, привыкший жить по своим правилам. Он харизматичен, дерзок и склонен к циничному взгляду на жизнь и отношения. Будучи волком-одиночкой, Макс не терпит привязанностей и избегает глубокой эмоциональной вовлеченности. Его профессиональная жизнь тесно связана с ночной жизнью, клубами, гламуром и мимолётными связями. Для него важны свобода и контроль над собственной жизнью, но в последние годы Макс нашёл выход для своих эмоций через фотографию, в которой он ищет творчество и свободу самовыражения.

Глава 9. Эмили

ЭМИЛИ

«Когда твоя душа разделена на части, выбор становится пыткой, а каждый шаг ведёт к падению». Кира Лисова

Телефон в кармане снова звонит, разрывая тишину. Я вздрагиваю, взгляд задерживается на экране. Незнакомый номер. Игнорирую его, но внутри начинает расти тревога. Сердце замирает, когда звонок повторяется. Выдыхаю, пытаюсь сохранить спокойствие, но, когда телефон звонит в третий раз, чувствую нечто похожее на страх: странный, невидимый, но настойчивый.

Наконец, не выдержав, отвечаю.

— Алло? — голос срывается с губ неожиданно хриплым, словно застывшим от напряжения.

И сразу же в трубке — знакомый, низкий, глухой, до боли родной:

— Эмили...

Как призрак прошлого, внезапно ворвавшийся в настоящее и разрушающий хрупкий мир, который я так старательно строила.

Моё сердце сжимается, и мир вокруг рушится. Макс. Его тембр. Никогда раньше я не слышала его по телефону, и это кажется чем-то неправдоподобным, пугающе реальным. Этот голос, который я так любила, сейчас звучит как преду-

преждение, как нечто, чего не должно происходить.

— Макс? — выдыхаю я, едва веря в происходящее.

— Эмили... — хрипло, глухо, словно через стену. — Я в тюрьме.

Мне кажется, я оглохла. Или кто-то выключил звук. Время останавливается, дыхание сбивается. Я словно в тумане. Тюрьма? Макс? Это звучит как чей-то жестокий розыгрыш, но не для меня. Нет, это реальность: слишком острая, слишком внезапная.

— Что? — мой голос прерывается, будто слова застревают в горле. — Как... почему?

— Меня подставили. Финансовые махинации, — он говорит быстро, словно боится не успеть. — Но, Эмили, это не я. Ты должна поверить, это ошибка.

Мир вокруг качается. Финансовые махинации? Макс? Я пытаюсь осмыслить, но в его словах столько боли, столько отчаяния, что не могу не верить. Не могу позволить себе усомниться.

— Я верю тебе, — шепчу, сжимая телефон так сильно, что пальцы белеют.

— Спасибо, — его тон слегка смягчается, но я всё ещё слышу страх. — Эмили, это не просто так. Я думаю, что это Марк. Это его месть. Он нашёл способ меня подставить.

Марк? Месть? Внутри всё дрожит. В этот момент два мира, которые я так отчаянно пыталась удерживать отдельно, начинают пересекаться, разрушая все мои усилия. Макс и

Марк... Они не могут быть связаны. Но эти слова... Они бьют в самое сердце. Марк. Месть. Как это возможно?

— Ты думаешь, что это он? — спрашиваю я, чувствуя, как паника подбирается ближе, как холод медленно охватывает всё тело.

— Я не знаю как, но думаю, он замешан в этом, — в его голосе много горечи. — У него есть деньги, есть связи. Он узнал о нас и решил отомстить. Он не мог позволить мне остаться в твоей жизни, и это его способ наказать меня.

Чувствую, как воздух сдавливает лёгкие, не могу дышать. Эти слова колют меня, словно сотни игл. Я знала Марка... знала его как человека, который всегда был холодным, сдержанным, рациональным. Неужели он мог быть настолько жесток? Неужели способен на такое? В голове звенят голоса. Это не Марк. Или Марк?

Моё сердце сжимается всё сильнее. Я балансирую на краю между двумя мужчинами. Не знаю, кто они теперь для меня. Тот, кого я любила и за кем шла, тот, кто заставлял меня чувствовать себя живой, находится за решёткой и умоляет о помощи. А тот, кто был моей опорой, кто дарил мне стабильность, может оказаться разрушителем этой жизни.

— Помоги, Эмили...

Его слова пронзают сердце. Чувствую, как душа раскалывается на части. Он нуждается во мне. Я должна помочь. Не могу оставить его в этой тьме, но при этом не могу поверить, что Марк способен на такое. Каждое моё действие теперь ка-

жется неправильным, будто я иду по тонкому льду, который трещит подо мной.

— Я постараюсь что-нибудь сделать, — произношу, едва слыша собственные слова. — Я не знаю как, но помогу тебе.

— Спасибо... — он говорит так тихо, что кажется, будто исчезает. — Ты не представляешь, что для меня это значит.

Когда линия обрывается, я всё ещё сжимаю телефон в руке. Тело немеет, а мысли разлетаются осколками.

Я не могу сидеть и ждать. Не могу гадать и выдумывать оправдания.

Если это правда... если хоть на миг допустить, что Марк действительно мог... Я должна услышать это от него. Посмотреть в глаза. Понять.

Мир может разрушиться — но я хочу знать, кто первым пустил в нём трещину.

Выхожу из дома почти вслепую, машинально сажусь за руль. Каждая секунда тянется, как вечность. С каждой улицей, с каждым перекрёстком мне становится всё страшнее.

И вот я уже стою перед офисом своего мужа, пытаюсь найти хоть какие-то ответы. Ноги подкашиваются, сердце колотится в горле. Я на грани пропасти, готовая шагнуть, не зная, что ждёт меня дальше.

Когда вхожу в приёмную, Нора сразу бросает на меня взгляд, полный презрения и холодной злости. В её глазах всегда был этот ледяной блеск, но сегодня он становится ещё ярче, будто она решает воспользоваться моментом и напасть

на меня. Её губы изгибаются в тонкую линию, как у хищника, готового к атаке.

— Что вы здесь делаете? — её голос звучит остро, словно лезвие.

Я стараюсь игнорировать её и направляюсь прямо к двери Марка. Но Нора преграждает мне путь, оказываясь прямо передо мной. Приходится остановиться, хотя всё внутри подталкивает идти дальше, не обращать на неё внимания.

— Мне нужно поговорить с Марком, — пытаюсь говорить спокойно, но чувствую, как напряжение всё сильнее сковывает меня изнутри.

— У Марка важные дела, — произносит она с ядом. — Он не собирается тратить своё время на вас.

Её холодные слова бьют меня, как плеть, но я не могу позволить себе потерять контроль. Вижу лишь презрение в её глазах, и это выводит из равновесия. Кто она вообще такая, что осмеливается говорить мне, как и когда я могу видеть своего мужа? Меня буквально затапливает гнев.

— Я его жена, если вдруг ты забыла, — мой голос дрожит, но я чувствую, как поднимается адреналин. — И имею полное право увидеться с ним в любое время.

Её глаза сужаются, она смеётся, но этот смех холодный и презрительный.

— Жена? — цедит сквозь зубы. — Может, только на бумаге? Вы предали его. Вы недостойны такого мужчины, как Марк. Вам давно пора уйти.

Она смотрит на меня так, будто имеет право судить, будто знает больше, чем должна. Этот ледяной взгляд причиняет боль, но я не могу позволить ей увидеть моё замешательство.

— Это не твоё дело, Нора, — стараюсь сохранять спокойствие. — Не тебе решать, уходить мне или нет. Отойди.

Нора замирает, её глаза вспыхивают. Я вижу, как внутри неё закипает ярость, как она борется с желанием вцепиться мне в волосы. Она готова разорвать меня на части, но в этот момент дверь кабинета открывается.

Марк. Он выглядит холодным, отстранённым, будто всё, что было между нами, уже исчезло. Его взгляд настолько ледяной, что внутри всё замирает.

— Эмили, — он больше ничего не говорит, просто жестом приглашает меня войти.

Нора остаётся стоять на месте, словно застыл в шоке. Я вижу, как её глаза наливаются яростью, но она не успевает ничего сказать. Марк не даёт ей такого шанса.

Он заводит меня в кабинет, дверь мягко закрывается за нашими спинами, оставляя Нору снаружи. Теперь она не может вмешаться в этот мир, наш мир, который, пусть и неустойчиво, всё ещё существует.

Глава 10. Марк

МАРК

«Предательство — это не удар в спину, это нож, который ты сам даёшь тому, кому доверяешь». — Неизвестный

Эмили входит в кабинет, и я закрываю за ней дверь. Она стоит напротив, опустив взгляд, словно боится того, что может увидеть в моих глазах. Внутри что-то болезненно сжимается, но я не даю воли этим чувствам. Должен сохранять холодное самообладание. Всё, что есть между нами, кажется неустойчивым пламенем, которое может вспыхнуть или погаснуть навсегда.

— Что тебе нужно, Эмили? — голос остаётся ровным, но внутри меня всё разрывается на части. Боль, злость, отчаяние — всё это кипит, но я держусь, стараясь не показать ни одной эмоции.

Она колеблется. Я вижу, как ей трудно начать разговор. Наконец она собирается с духом и произносит:

— Это правда ты? — её голос тихий, почти срывающийся, словно она до последнего не хочет верить в то, что говорит.

Я хмурюсь. Не понимаю, что она имеет в виду. Внутри начинает закипать раздражение.

— Что я? — спрашиваю, поднимая брови и глядя прямо ей в глаза, пытаюсь понять, к чему она ведёт.

Её взгляд на мгновение встречается с моим, и в нём мель-

кает что-то, чего я не могу сразу разобрать. Боль? Страх?

Она сглатывает, словно пытаясь найти нужные слова, но голос всё равно дрожит:

— Ты правда не знаешь? — слова едва касаются воздуха, так тихо она их произносит.

Я хмыкаю, раздражение только нарастает.

— О чём ты говоришь? Перестань ходить вокруг да около.

Эмили сжимает кулаки и, словно бросая вызов, выпаливает:

— Макс в тюрьме.

Эти слова врезаются в мой разум, будто удар. Я не ожидал такого, но ещё меньше ожидал, что она заговорит об этом здесь, сейчас, передо мной. Замираю.

— Это ты его подставил? — её голос дрожит, словно она боится услышать ответ.

Каждое слово бьёт как кнут. Как она может? Как может думать, что я, её муж, способен на такое? Злость вскипает, но за ней поднимается невыносимая боль.

Делаю шаг к ней, хватаю за лицо, заставляя смотреть прямо мне в глаза. В её взгляде ищу хоть что-то, что могло бы вернуть мне прошлое, но вижу лишь страх и сожаление. И это только разжигает во мне огонь ненависти и отчаяния.

— Как ты могла так подумать?! — слова звучат резко. Каждый слог будто разрезает воздух, наполненный негодованием и яростью.

Эмили всхлипывает, её глаза наполняются слезами. Она

опускается передо мной на колени, вцепляется руками в моё запястье.

— Прости... прости меня, Марк, — её голос полон отчаяния. — Я знала, что это не ты... — слёзы катятся по щекам, а слова едва вырываются наружу. — Пожалуйста, помоги ему... разберись в этом, прошу.

Моё сердце замирает на долю секунды, а потом обрушивается в бездну. Я стою над женщиной, которую люблю, которая предала меня, и сейчас она умоляет помочь другому мужчине — её любовнику. Это абсурдно, но я чувствую, как внутри ворочается что-то тёмное. Я зол, но в то же время испытываю странное удовлетворение. Это вызов, который я не могу проигнорировать. Завершение того, что началось с её предательства.

Делаю шаг назад, чувствуя, как гнев сменяется холодной решимостью. Я сделаю это, но не ради неё, а ради себя. Ради того, чтобы доказать: я всё ещё контролирую собственную жизнь. Она по-прежнему стоит передо мной на коленях, слёзы текут по её щекам, но я больше не могу чувствовать к ней ничего, кроме отчуждения.

— Я помогу, — говорю сухо и отстранённо. — Но не ради тебя, — добавляю, глядя на неё сверху вниз. — Ради себя.

Эмили смотрит на меня с растерянностью, её лицо кажется осунувшимся и утомлённым. В этот момент она выглядит хрупкой, словно её мир рушится прямо на глазах. Но внутри меня лишь пустое, холодное безразличие. Отвожу взгляд,

пряча остатки чувств, которые ещё могли сохраниться. Не хочу, чтобы она их увидела. Всё это больше не имеет значения.

Хотя кого я обманываю? Безразличие — всего лишь маска, которую я пытаюсь натянуть на собственное сердце. Больше всего мне хочется схватить её, прижать к стене, задрать платье, стянуть трусы и жёстко оттрахать, сдавливая горло, чтобы она не могла дышать, чтобы извивалась подо мной, как тогда в отеле. Стискиваю зубы, потому что член напрягается и мешает думать. Становится страшно, что я не сдержусь и сделаю всё то, чем сейчас наполнены мои мысли.

— Всё, Эмили, уходи. Я разберусь с этим.

— Спасибо, Марк, — она поднимается с колен, расправляет юбку.

Подходит ко мне и тянется, чтобы поцеловать. Я едва сдерживаюсь, чтобы не отдёрнуться, лишь поворачиваю лицо в сторону. Её губы скользят по моей щеке. Внутри всё напрягается.

— Пожалуйста, уходи, — говорю твёрдо, не поднимая на неё взгляда.

Когда дверь за ней закрывается, наливаю себе виски. Медленно, не спеша, будто в этом есть какой-то смысл. Глоток обжигает горло, но толком ничего не меняет. Только внутри становится тише.

Смотрю в окно, за которым сгущается вечер. Где-то там — улицы, машины, обычная жизнь. А у меня здесь — руины.

Развалины того, что ещё недавно казалось прочным.

За дверью цокают каблуки. Я знаю, кто это. Даже оборачиваться не нужно.

— Марк, — голос звучит с оттенком беспокойства. — Я забронировала столик. Ты же говорил, что мы сегодня поужинаем?

Медленно оборачиваюсь, ставлю стакан на стол.

— Ужин отменяется.

Нора замирает, будто не ожидала услышать это так просто. Хмурится, но быстро берёт себя в руки.

— Почему? — тон становится жёстче. — Это из-за неё? Ты решил всё простить? После всего, что она сделала?

Смотрю на неё. Прямо. Без выражения.

— Нора, это не твоё дело.

Она делает шаг ко мне.

— Как это не моё? Я рядом всё это время. Я поддерживала тебя, была с тобой, когда она тебя унижала! Ты говорил, что всё кончено!

— Я не говорил, что ты можешь решать за меня, — произношу тихо, спокойно, именно так, как умею, когда внутри всё кипит, а лицо остаётся каменным. — Не лезь.

Она открывает рот, хочет что-то сказать, но передумывает. В её глазах мелькает то, чего я не хочу видеть: не гнев, не обида — надежда.

Я отвожу взгляд.

— Уходи, Нора. На сегодня всё.

Глава 11. Эмили

«Всякий раз, когда ты находишься между прошлым и будущим, выбор кажется невозможным». Ольга Громыко

Когда я выхожу из кабинета Марка, напряжение, сковывающее меня, постепенно начинает отступать. Я всё ещё нахожусь на грани, словно балансируя между прошлым и настоящим. Но стоит выйти из его офиса, как ощущаю странное облегчение. Тяжесть, давившая на грудь все эти дни, начинает спадать. Это не он. Не Марк подставил Макса. Внутри зарождается тонкое чувство радости, но оно такое мимолётное, такое недолговечное.

Марк займётся этим делом. Он во всём разберётся, и это приносит мне облегчение. Я всегда знала, что он человек чести. Никогда не шёл на компромисс с совестью, не брал взятки, следовал своим принципам. Я видела это во всех его делах, видела, с какой скрупулёзностью он подходил к каждой задаче. Теперь это дело в его руках.

Но затем меня охватывает осознание, от которого мурашки пробегают по коже. Марк и Макс. Они встретятся. Лицом к лицу. Муж и любовник. Что, если гнев окажется сильнее? Что, если, несмотря на свою порядочность, Марк всё же решит разрушить жизнь Макса?

А ещё мне больно признавать это, но правда заключается в том, что я скучаю по Марку. Безумно скучаю. Всё это вре-

мя, несмотря на всё, что произошло, я по-прежнему нуждаюсь в нём. В его любви, заботе, тепле... Не могу избавиться от этих чувств. И когда он схватил меня за лицо, когда его глаза встретились с моими, мне так хотелось, чтобы он поцеловал меня. Я искала в его взгляде хоть каплю прежней нежности, будто одно прикосновение могло стереть всю боль и разлуку. Хотя бы на мгновение хотелось поверить, что всё может стать как прежде.

В тот момент мне хотелось просто броситься ему на шею. Уткнуться лицом в его плечо, как я делала раньше. Заплакать. Хотелось, чтобы он гладил меня по волосам, шептал, что всё будет хорошо. Мне так не хватало его любви, его прикосновений. Без них я чувствую себя потерянной.

Когда возвращаюсь домой, внутри всё пустеет. Медленно прохожу к кровати и падаю на неё. Слезы, как молчаливые свидетели моих внутренних мучений, текут по щекам, и я не знаю, как положить им конец. Всё кажется таким неопределённым, таким далёким. Я не знаю, как жить дальше. Боль теперь всегда со мной, как тень, от которой невозможно убежать. И хотя я пытаюсь её отпустить, каждый шаг только уводит меня всё дальше от того, что когда-то было любовью. Что ждёт впереди, не знаю, но вернуться назад уже не могу.

Телефон лежит рядом. Молчит. Я смотрю на него как на спасательный круг — и как на петлю.

А потом просто нажимаю на вызов.

— Эм? Всё в порядке? — голос Софи такой родной.

— Нет, — говорю я и тут же замолкаю. Глупый вопрос. Глупый ответ.

— Где ты? Что случилось? — она встревожена. О последних событиях знает почти всё: мы не разговаривали, но я написала ей.

— Я у Марка была.

— И?..

— Я попросила его помочь.

— Кому?

— Макс. Его арестовали, он в тюрьме. Он звонил мне, думает, что это Марк всё подстроил, но это не Марк. Макс не виноват, я уверена, я верю ему, — вываливаю всё на подругу.

— Эм... ты серьёзно?.. — Софи спрашивает так тихо, словно боится меня обидеть.

— Да. Я стояла перед ним на коленях. Просила. Марка просила помочь Макс, — и сама уже слышу, как абсурдно это звучит.

— Чёрт...

— Он согласился, Соф. Сказал, что разберётся. Но не ради меня. Ради себя.

— Подожди... подожди, ты хочешь сказать, что Марк согласился вытащить из тюрьмы любовника своей жены?

— Именно.

— Охренеть.

— А потом я попыталась его поцеловать.

— ...

— Он отвернулся. Просто подставил щёку. Как чужой.

— Эм...

— А потом попросил уйти.

— Я не знаю, что сказать.

— Знаешь, что самое страшное? Он был прав. Он не должен был прощать. А я не должна была просить. Но я всё равно пришла. И всё равно встала на колени. Перед мужем. Ради другого.

— Эм... ты просто на грани.

— Я уже за гранью, Софи. Я даже не знаю, кого теперь предала больше — Макса или Марка.

— Себя, наверное.

— Да. Себя.

Глава 12. Макс

«Самые опасные враги — это те, кого ты даже не заметил, пока они не стали слишком близко». — Эрнест Хемингуэй

Я сижу на жёсткой тюремной койке в душной камере, чувствуя, как стены давят со всех сторон. Мысли о том, как я здесь оказался, крутятся в голове заезженной пластинкой. Обвинения в финансовых махинациях кажутся абсурдной шуткой. Чёрт, я понятия не имею, как вообще попал в эту дыру.

Звук шагов в коридоре выводит меня из оцепенения. Охранник останавливается у двери.

— У тебя встреча с адвокатом, — его голос звучит с оттенком сарказма.

— Выделили от государства? — цежу сквозь зубы. Денег на нормального защитника у меня нет.

Охранник ухмыляется, явно наслаждаясь моментом:

— Шутник? Адвокат такой крутой, что я удивляюсь, как ты вообще на него заработал.

Я хмурюсь. Какой адвокат? Кто мог взяться за моё дело? Иду за охранником в комнату для встреч.

Когда вхожу, сердце проваливается в пятки. Передо мной сидит Марк Картер — муж Эмили. Взгляд холодный, как сталь, лицо без эмоций. Время словно останавливается. В го-

лове проносится буря — шок, страх, злость накрывают меня, как чёртов тайфун.

Марк не отрывает от меня взгляда, сверлит насквозь. Он спокоен и уверен, и это бесит ещё больше.

— Добрый день, Макс, — голос у него такой же ледяной, как взгляд. — Я твой адвокат. Марк Картер.

Я чуть не смеюсь. Адвокат? Муж женщины, с которой я был два года, теперь защищает меня? Какой фарс.

— У меня нет денег, чтобы оплатить твои услуги, — хрипло произношу с сарказмом.

Марк приподнимает бровь, едва заметно усмехнувшись:

— Знаю. Тебе не нужно платить. Мы проверили твои счета — судя по ним, ты действительно не виновен. Но есть проблема: на документах стоит твоя личная печать.

Мысли мутнеют. Печать? Какого чёрта моя печать оказалась на документах?

— Понимаешь, эта печать — главное доказательство против тебя, — продолжает Марк. — Где ты её хранил?

Я напряжённо пытаюсь вспомнить. Печать лежала дома, в спальне. Никто не мог к ней добраться... кроме...

— Дома, в спальне, — отвечаю я. — Никто не имел к ней доступа.

Марк усмехается, взгляд становится ещё более колючим:

— Никто? Кроме моей жены?

Сердце ухает вниз. Он знает. Конечно, знает.

— Кто ещё бывал у тебя дома? — резко спрашивает он.

— Или ты где-то оставлял печать, где до неё можно было добраться?

И тут меня осеняет. Натали. Чёрт побери. Она появилась на пороге и попросила пожить несколько дней. Тогда это не показалось подозрительным. Но однажды я заметил, что в спальне что-то было не так — словно кто-то рылся в моих вещах.

— Дело в том, — Марк достаёт папку с документами, — что твоя печать стоит на актах о приёме наличности в клубе на суммы свыше миллиона долларов. Деньги якобы поступали от VIP-клиентов, но, по нашей информации, это были подставные лица. Классическая схема отмывания: грязные деньги заходят через фиктивные счета за якобы оказанные услуги клуба, а выходят уже чистыми.

Я слушаю, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Но самое интересное, — продолжает Марк, — все эти операции проводились в дни, когда тебя не было в клубе. У нас есть записи с камер наблюдения из торгового центра напротив, где ты покупал подарок... для моей жены.

Удар под дых. Он даже знает детали.

— Получается, кто-то использовал твою печать, пока тебя не было. Кто имел доступ к твоему дому в те дни?

— Натали, — шепчу, осознавая всю глубину ситуации. — Это была Натали.

— Натали?

— Да. Бывшая хозяйка стриптиза в этом клубе. Она жила

у меня несколько дней, сказала, что хочет насолить своему хахалю. Я даже подумать не мог... Чёрт, она не знала о моих делах в клубе, не имела доступа к документам.

Марк кивает, делая заметки:

— Значит, у неё были мотив, возможности и доступ. Остаётся выяснить, кто за этим стоит. Потому что одна она такую схему, вероятно, не потянула бы. Скорее всего, просто кому-то помогала.

Я сжимаю кулаки. Предательство большее всего, когда приходит от тех, кому доверял.

— Что теперь?

— Теперь мы собираем доказательства. И, Макс... — Марк смотрит мне прямо в глаза, — несмотря на все наши личные обстоятельства, я буду защищать тебя так, словно ты мой родной брат. Потому что правосудие превыше всего.

В его словах нет ни грамма лжи. И впервые за долгое время я чувствую что-то похожее на надежду.

Когда возвращаюсь в камеру, голова гудит от противоречивых мыслей. Марк Картер. Чёрт побери. Я ожидал кого угодно, но не его. Не мужа Эмили.

Сидя на койке, я снова и снова прокручиваю в голове наш разговор. Этот человек знает, что я трахал его жену два года. Знает, что она приходила ко мне, лежала в моей постели, шептала на ухо слова любви. И при этом сидит напротив меня, холодный как лёд, профессиональный до мозга костей, и защищает.

Какого чёрта? Любой нормальный мужик на его месте скорее плюнул бы мне в лицо, чем предложил помощь. А он... Он изучает документы, ищет зацепки, чтобы вытащить меня из этого дерьма.

То, как он смотрит на меня, — без ненависти, без злости. Просто холодно и профессионально. Будто я для него не любовник его жены, а обычный клиент. Это злит и восхищает одновременно. Что за человек способен на такое? На такой самоконтроль?

Эмили выбрала его. И я начинаю понимать почему. Этот мужик — стальной. У него есть то, чего нет у меня, — внутренний стержень, принципы, которые он не нарушит ни при каких обстоятельствах. Даже если дело касается человека, разрушившего его семью.

А я? Что я мог дать Эмили? Страсть? Адреналин? Несколько часов отрыва от реальности? А потом что? Когда она сказала, что любит меня, я даже слов найти не смог. Потому что знал: я не тот человек, ради которого бросают семью. Не тот, кто может дать стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Марк может. И сегодня он это доказывает. Он борется за правду, даже когда эта правда касается меня. Человека, который причинил ему боль.

Чёрт, может быть, Эмили и правда выбрала правильно. Может быть, я был просто временным безумием в её жизни, а он — то, что по-настоящему важно. То, что стоит сохра-

нить.

И самое поганое — я его зауважал. За эти полчаса разговора понимаю, что он стоящий мужик. И это делает всю ситуацию ещё более мерзкой.

Глава 13. Марк

«Иногда приходится смотреть в глаза своему врагу, чтобы понять, почему всё разрушилось». — Харуки Мураками

Я уже сижу в комнате для встреч, когда дверь открывается и заводят его. Макс. Мужчина, который стоит между мной и моей женой, который разрушил всё, что я строил годами. Но, глядя на него сейчас, не вижу того самоуверенного парня, которого себе представлял. Он растерян, словно не понимает, что происходит. Его глаза мечутся, как у человека, оказавшегося в ловушке.

И вот он сидит напротив, а я пытаюсь понять: что в нём такого? Почему Эмили выбрала его? Что заставило её бросить всё, что мы выстраивали вместе, ради этого человека? Да, он моложе меня, физически в форме, но этого недостаточно. Его дерзость, свобода, страсть — возможно, именно этого она искала. Эмили стремилась к новым ощущениям, которых я, вероятно, не мог ей дать.

Но дело не только в этом. Глядя на него, я вижу отсутствие той внутренней уверенности, которую привык замечать в мужчинах. Под давлением обстоятельств он выглядит слабым, словно этот удар жизни оказался для него слишком тяжёлым. Возможно, именно эта уязвимость и привлекала Эмили. Она могла почувствовать, что нужна ему, что способна дать то, чего не могла дать мне. Может быть, видела в

нём того, кого нужно спасти, кто зависел от неё.

Но чего тогда она не увидела во мне? Я не замечаю в Максе ничего особенного, что стоило бы разрушения нашей жизни. Всё это кажется несущественным, но эмоции внутри кипят.

— Добрый день, Макс, — холодно произношу я. — Я твой адвокат. Марк Картер.

Его глаза расширяются. На мгновение он застывает, и я вижу борьбу шока и ярости на его лице. Он не ожидал меня. Наверное, думал, что получит государственного защитника.

Долгая пауза. Макс пытается осмыслить ситуацию, а я изучаю его. В глазах мелькает что-то похожее на благодарность, но тут же сменяется подозрением. Он не понимает, зачем я это делаю. И я сам не до конца понимаю.

— Твоя печать на документах — серьёзная проблема, — сразу перехожу к делу. — Где ты её хранил?

Макс замирает, глаза сужаются. Я вижу, как он напряжённо копается в памяти. Интересно. Он действительно не знает, как печать попала в чужие руки. Либо отличный актёр, либо говорит правду.

— Дома, в спальне, — осторожно отвечает он.

Я усмехаюсь, чувствуя, как эмоции прорываются наружу: — Кроме моей жены, кто ещё имел доступ к твоему дому?

Удар в солнечное сплетение. Вижу, как его лицо бледнеет. Он понимает, что я знаю о них. Долгая пауза. В его взгляде читается что-то похожее на стыд. Значит, не полный ублю-

док. Хотя бы понимает, что причинил боль.

— Твоя печать стоит на актах о приёме наличности на суммы свыше миллиона, — достаю документы. — Классическое отмывание денег через фиктивных VIP-клиентов. Операции проводились в дни, когда тебя не было в клубе.

Шок в его глазах выглядит искренним. Либо он не знал о схеме, либо превосходно играет.

— Кто ещё был у тебя дома в те дни? — резко спрашиваю я.

Он замолкает, что-то вспоминая.

— Натали, — наконец выдыхает. — Моя знакомая жила у меня пару дней... Сказала, что у неё проблемы с хахалем.

Чувствую, как внутри что-то сжимается. Значит, Эмили приходила к нему, даже когда там находилась другая женщина. Или он лгал Натали о своих отлучках...

Постепенно Макс расслабляется. Я наблюдаю метаморфозу: скованность сменяется уверенностью, нервозность — контролируемой дерзостью. Вот он. Вот тот, кого увидела Эмили. Не слабак в тюремной робе, а уверенный, харизматичный мужчина.

— У Натали были все возможности, — констатирую я. — Остаётся выяснить, кто за этим стоит.

Макс сжимает кулаки, в глазах вспыхивает ярость — не на меня, а на предательство.

— Я буду защищать тебя профессионально, — говорю, глядя ему в глаза. — Несмотря на всё остальное.

Он кивает, и в его взгляде мелькает уважение.

Когда встреча заканчивается, я подхожу к окну и распахиваю его настежь, надеясь, что холодный воздух остудит пламя гнева, разрывающее меня изнутри. Не помогает.

Сажусь в машину и вдавливаю педаль газа. Огни ночного города проносятся с той же скоростью, что и мысли в голове, создавая хаос. Останавливаюсь на обочине, сжимаю переносицу пальцами, пытаюсь прийти в себя. Твою мать! Я не могу позволить себе потерять её. Эмили должна остаться со мной, но как? Как простить её?

Поднимаюсь в номер отеля и, не переодеваясь, достаю бутылку виски. Внутри всё скручивает. Глоток обжигающей жидкости, шумный вдох через нос, резкий выдох ртом. Алкоголь растекается по венам, и я начинаю гореть изнутри.

Вспоминаю лицо Макса, его напуганный, но одновременно наглый взгляд. Он хорош собой, и я понимаю, чем зацепил Эмили. Мог бы раздавить его одним движением, отправить за решётку на долгие годы. Но не могу предать собственные принципы. И она верит ему. Верит, что он невиновен.

Делаю ещё глоток виски и падаю в кресло. Хочется забыться, не думать ни о чём. А ещё хочется её — до дрожи, до потери сознания...

Как же я соскучился по её глазам и своему отражению в них. Но пока идёт дело, я дал себе слово не встречаться с Эмили. Да и будет ли моё отражение таким же, как тогда,

когда она любила меня, любила только меня?

Как не хватает тех простых моментов, когда можно было взять её за руку или сидеть перед телевизором, перебирая шелковистые волосы, пока она лежала, положив голову мне на колени. Ощущать её тепло, вдыхать её запах...

Что я делаю? Защищаю человека, который украл у меня самое дорогое. И при этом... при этом я его заужал. За то, как он держится, за то, что не пытается оправдываться или перекладывать вину. Он принимает удар судьбы достойно.

Может быть, именно это и увидела в нём Эмили. Не только страсть и свободу, но и внутреннее достоинство. Человека, который не сломается под давлением.

И теперь я должен спасти его. Не ради него — ради неё. Потому что она просила. И потому что, как бы мне ни было больно, я всё ещё люблю её.

Глава 14. Марк

“Человеку всегда трудно поверить в счастье, и когда оно приходит, он боится, что это всего лишь сон.” – Лев Толстой

Пятнадцать лет назад.

В комнате был полумрак, скоро рассвет, и с ним всё будет выглядеть уже по другому. Я лежал и рассматривал её лицо, очертание изгибов тела. Тишина, лишь стук собственного сердца и её дыхание. И именно сейчас я чувствовал себя живым и до невозможности счастливым. Хотелось прикоснуться к волосам, к нежной коже, но боялся разбудить, а ещё больше боялся, что утром всё измениться. Что она уйдёт. Глаза закрывать не хотел, а вдруг всё это сон? Так и пролежал, любуясь ей до утра.

Вот уже первые лучи солнца пробиваются сквозь тонкую полоску штор. Нежно ласкают мою девочку, осторожно касаясь кожи, поднимаются от кончиков пальцев её ног всё выше, пока не дотрагиваются до шеи, скользят по лицу, щеко-чут ноздри, трогают ресницы, шепчут безмолвно: “Доброе утро!”

Эмили медленно открывает глаза, я не могу сдержать улыбки.

– Доброе утро, Марк, – потягивается, а потом быстро садиться и закрывает лицо ладонями, – боже, я пойду умоюсь,

не смотри на меня такую.

– Какую? – нежно тяну за руку.

– Ну вот такую – мятую, расстрёпанную, наверное, ещё и опухшую после шампанского, – смущается она.

– Ты очень красивая, – говорю совершенно искренне, потому что сейчас она просто невероятная, такая нежная, беззащитная, открытая.

– Марк, – прыгает на меня с объятиями, утыкается в шею. Я глажу её шелковистые волосы.

– Можно зубы почистить? У тебя есть запасная щётка?

– Да, в ванной для гостей.

Эмили спрыгивает с кровати и бежит в ванную.

– А где? – слышу её голос сквозь шум воды.

– Ванная для гостей на первом этаже. В шкафчике правого зеркала.

Пока Эмили приводит себя в порядок в гостевой уборной, я тоже быстро принимаю душ, чищу зубы. Возвращаюсь в спальню и падаю на кровать. Как же мне сейчас хорошо.

– Хочешь я приготовлю тебе завтрак? – Эмили возвращается в спальню обернутая полотенцем.

– Хочу, но сначала... – беру её за руку и притягиваю к себе. Полотенце спадает на пол, обнажая красивую грудь с торчащими сосками, нагло призывающими к поцелую. Член уже каменный от желания. Эмили опускается рядом на кровать. Жадно обхватываю губами сосок, делаю круговые движения языком, нежно посасываю. Слышу, как учащается её

дыхание. Запускает пальцы мне в волосы. И я уже готов взорваться. Держусь изо всех сил, потому что хочу слышать стоны её наслаждения. Покрываю поцелуями живот, опускаясь ниже. Развожу ноги, и она открывается мне, без стеснения подается навстречу. Осторожно трогаю нежные складочки, уже влажная и готовая принять меня. И меня уносит, срывает в пропасть невероятных чувств, от понимания, что она желает меня. Накрываю Эмили своим телом, погружаясь в неё мелкими толчками, с каждым наращивая темп, а она ногами бедра мои обвила и сильнее прижимается, принимая меня полностью. Губы её поймал, каждый стон в себя вбираю. И меня колотит от той мощи, которая внутри меня нарастает.

– Да, Марк, да! – стонет так громко, и я больше не в силах сдерживаться, меня разрывает невероятное наслаждение, выплескивается толчками. От каждого тело сотрясается. И чувствую как лоно её пульсирует, принимая моё семя, всё до последней капли. Одуреваю от осознания, что оргазм накрыл нас одновременно. И это так потрясающе.

– Ты любишь яичницу или омлет? – Эмили в моей рубашке уже взбивает яйца в миски, так по хозяйски, словно всегда это делала на моей кухне.

– Я буду всё, что ты приготовишь, я ужасно голоден.

– Тогда я сделаю скрамбл, – даже не обернувшись, наливает масло в сковородку. Рубашка еле прикрывает ей ягодицы. Она чуть наклоняется над миской, и я вижу, что на ней нет

трусиков. Дыхание перехватывает, и член начинает подниматься. Чёрт, я же только что кончил. И вот уже только от одного вида её попки из под рубашки, снова готов в бой.

– Нашла у тебя только чай, кофе нет, – ставит передо мной чашку.

– Я не пью кофе.

– Правда? – в удивлении распахивает глаза.

– Но если ты любишь кофе, то он всегда будет у НАС в доме, – специально делаю акцент на слове “НАС”. Потому что понимаю, что не отпущу.

И с этого дня не отпускал больше. Иногда казалось, что всё это какой-то сон, и он вот-вот закончится. Человеку всегда трудно поверить в счастье, и мне было трудно. Голова кружилась от осознания, что она моя. Самому себе не верил, что взаимностью ответила. Даже когда мы назначили день свадьбы, когда платье выбирали, составляли списки гостей.

Кольцо выбрала скромное с маленьким бриллиантом. Да и вообще, всегда спрашивала на какую сумму может потратить. А когда я говорил, что сумма не ограниченная, смеялась, шутила, что тогда сразу хочет дворец. И я соглашался. Я готов был купить и бросить к её ногам всё, что она желает. Я был счастлив видеть, как она улыбается. К тому же Эмили стала моим талисманом, дела пошли в гору. Я выигрывал одно дело за другим. Гонорары росли. Она словно давала мне силы, уверенность, энергию. Моя хрупкая девочка с глазами олененка.

Глава 15. Эмили

«Иногда самое страшное — не боль, а пустота, которая остаётся после неё». — Харуки Мураками

Кажется, я теряю интерес ко всему. Депрессия подкрадывается медленно, как густой туман, захватывая меня. Даже когда пытаюсь отвлечься, всё вокруг остаётся серым, пустым. И солнце, которое раньше радовало своим светом, теперь кажется каким-то тусклым, неспособным согреть. Девочки... Они больше не могут отвлечь меня от этого беспроектного состояния. Вся моя жизнь кажется далёкой, недосягаемой. Каждый день проходит мимо, оставляя лишь чувство пустоты. Ежедневные заботы, которые раньше приносили хоть какое-то утешение, теперь тяготят. Спасибо Рите, которая помогает мне по дому. Без неё я совсем захлебнулась бы в этом мраке.

Марк... Его холодная отстранённость разрывает меня изнутри. Каждое его слово, каждый взгляд, кажется, отдаляют его от меня ещё сильнее. Когда он смотрит на меня, я не чувствую ничего, кроме холода. Будто он уже давно принял решение, которого я боюсь.

«Пока я не решу дело Макса, нам лучше не видеться». Эти слова эхом разносятся в голове, как приговор. Я так тоскую по нему. Постель без него стала ледяной пустыней.

Каждый вечер ложусь, обнимая подушку, но это не помогает. Холодное одиночество поглощает меня целиком. Я почти перестала есть и с каждым днём всё сильнее ощущаю, как угасаю. Всякий раз, когда смотрю на своё отражение, вижу женщину, которую едва узнаю. Всё теряет смысл.

«Supergram» я тоже забросила. Что могу рассказать своим подписчикам? Что сама разрушила собственную жизнь? И Макса больше там нет. Нет смысла заходить — он не посмотрит мои сторис, не напишет сообщение, даже холодное, как раньше. Но я всё равно тоскую по нему. Иногда руки сами тянутся к телефону, но я останавливаю себя. Скучаю по обоим — по Максу и по Марку. Без них моя жизнь стала пустой и бессмысленной. Кажется, я застряла где-то между ними, между прошлым и настоящим, и ни один из этих миров мне больше не доступен. Но сильнее всего я скучаю по той Эмили, которая была счастливой, живой. По той Эмили, которой больше нет.

Софи снова пытается вытащить меня из этого состояния. Она звонит почти каждый день, иногда по нескольку раз. Я вижу её имя на экране, но часто даже не отвечаю. Она не сдаётся, несмотря на мои попытки уйти в себя.

— Эмили, так нельзя, — говорит она мягко, но настойчиво. — Хочешь, я прилечу? Николас отпустит меня. Я побуду с тобой пару недель. Коты переживут моё отсутствие.

Моя милая Софи. Она готова оставить всё ради меня. Но мне страшно признать даже перед собой, что я не хочу ни с

кем говорить. Мысль о том, что придётся делиться своими переживаниями, обнажать свою боль перед кем-то, пугает до ужаса. Не хочу никого видеть. Даже её. Одна мысль о разговоре, о необходимости объяснять свои чувства вызывает в груди глухую боль.

— Софи, — с трудом произношу я, подавляя ком в горле, — спасибо, но не думаю, что тебе это нужно. Прости. Я сейчас совсем не в силах ни с кем общаться.

После её звонков меня охватывает чувство вины. Я знаю, что она права, что мне нужно позволить ей поддержать меня. Но не могу. Чувствую, что погружаюсь всё глубже в темноту, из которой не вижу выхода.

Тишина, наступающая после наших разговоров, давит на меня, как бетонная плита. Я словно угасаю, растворяюсь. Жизнь становится прозрачной, как дым, и кажется, что она медленно уходит из меня.

Внутри поселяется нестерпимая пустота, словно две пропасти сходятся вместе, образуя бездонный омут. Одна боль заглушает другую: тоска по Максусу накрывает боль утраты Марка, затем — наоборот. Это ощущение разрывает меня изнутри, оно непрекращающееся и бесконечно мучительное. Все чувства смешиваются в каком-то дьявольском танце — отчаяние и воспоминания, уколы сожаления и угасшие надежды. Внутри всё стягивается от острого приступа отчаяния, я прикусываю губы, сдерживая крик, который рвётся наружу. Когда эта дикая тоска, эта жгучая пустота оставит

меня?

В какие-то мгновения мне кажется, что я на грани, что этот вихрь, закручивающий меня в центр своих разрушительных потоков, вот-вот уничтожит. Пытаюсь переключиться, отвлечься, но ничто не может унять ни одну из этих ран. Невозможно одновременно справляться с болью утраты их обоих. Это всепоглощающий хаос, в котором я медленно растворяюсь.

Каждый раз, когда пытаюсь убежать от этих чувств, они возвращаются с новой силой, словно яростный прилив, который невозможно сдержать. Снова и снова погружаюсь в это бесконечное отчаяние, не в силах избавиться от боли утраты и пустоты. Мне кажется, что, если продолжу держаться за воспоминания, они будут только сильнее разрушать меня изнутри, превращая каждое мгновение в адское испытание.

Каждый новый день приносит лишь боль и разочарование. Ни Марк, ни Макс не могут вернуться в мою жизнь такими, какими были раньше, но я цепляюсь за их образы и страдаю всё сильнее. Понимаю: если не разорву эту цепь, меня поглотит то, что я не могу изменить. Я не найду покоя, не смогу дышать. Отпустить их — не значит перестать чувствовать. Это значит научиться жить дальше, не разрушая себя.

И я отпускаю их.

Отпускаю, чтобы освободиться от этой боли и позволить себе снова дышать.

Глава 16. Макс

«Мы причиняем боль тем, кого любим, не потому что хотим, а потому что боимся». — Фёдор Достоевский

Если бы я тогда знал, что эти отношения станут моим личным апокалипсисом, что грёбанные два года моя душа будет разрываться, а сердце — невыносимо болеть от желания и невозможности иметь её целиком... Если бы знал, что она станет для меня такой мук

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.